

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ EL SIGLO XX-Y LA PAZ ■ ■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

В НОМЕРЕ:

БАРРИКАДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

«Круглый стол» литераторов и ученых

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ

Публикация рукописи,
считавшейся потерянной

«ПРОРЫВ»

Первая совместная работа советских и
американских обществоведов

ISSN 0320 8001

2/88

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

«Круглый стол»

БАРРИКАДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

12

Мир — дело общее

**Н. КАРЛСОН-ПЕЙДЖ, Д. ЛЕВИН. ВОСПИТАНИЕ
НЕНАВИСТИ**

28

Наши публикации

А. ЛОСЕВ. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

36

Новое мышление: теория и практика

А. ПАНКИН. В НАЧАЛЕ ПУТИ

45

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

*Отсталые традиции
и революционные требования.
Заметки о состоянии
советской социологии.*

«Уважаемая редакция...»

Гласность — феномен колючий. Почта приносит письма разные — и за, и против опубликованных материалов. Долг повелевает нам не замалчивать «неудобных» писем. Вам, читатель, решать самому, кто прав, кто неправ.

Возьмите мои руки

Пишу это письмо в день, когда американская и советская стороны устранили препятствия на пути подписания советско-американского договора о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности.

Все, что я, маленький человек, могу сделать для дела мира,— это предложить свои руки, если они потребуются для уничтожения ядерно-

го и химического оружия. Я имею опыт работы с вредными веществами, проходил обучение как офицер войск химической защиты.

Убежден, что средств массового уничтожения не останется на нашей планете, и хочу участвовать в их обезвреживании лично.

А. ХАСИН,
начальник Горловского ПО «Стирол».

Всегда ли врут стереотипы?

С живейшим интересом прочел удивительную, добрую, удивительно своевременную статью Л. Сараскиной в 10-м номере вашего журнала «Чем помочь вашей перестройке?» Полностью поддерживая ее пафос, я все же хотел возразить автору по одному пункту, который кажется мне принципиальным.

Выступая против «бытующих стереотипных представлений» о национальных особенностях, Л. Сараскина безоговорочно относит их к **предрассудкам**, «старым и новомодным». Думаю, все же, что это не так. Этнические типы характеров — реаль-

ность, а не миф. Недаром Л. Н. Гумилев считает их условием существования человечества как вида. «Бытующие стереотипы» действительно представляют опасность, если их абсолютизировать. Но реальна опасность и другого, противоположного рода: предьявляя представителям иных наций собственные, этнически обусловленные критерии поведения, осудить, «не понять» то, что выходит за их рамки.

Возьмем, к примеру, стереотип: «немцы аккуратны и педантичны» (в отличие от нас, русских, не аккуратных и не педантичных). Предрас-

судок? Уверен, что нет. Конечно, можно найти разгильдяя немца и аккуратного, педантичного нашего соплеменника. Однако даже небольшая репрезентативная выборка (скажем, десять человек) продемонстрирует на основании любого объективного критерия, что педантичные немцы встречаются все же значительно чаще, чем педантичные русские.

Предвижу удивление: где же тут опасность? Поясню на примере.

В пятидесятые годы я учился в Ростовском университете на биолого-почвенном факультете. Вместе с нами на биологическом отделении была немка, которую здесь назову Р., — умная, красивая, уравновешенная девушка, которая мне определенно нравилась. (Не знаю, где она теперь живет, но всяко бывает — вдруг прочтет эти заметки и отзовется? Это было бы замечательно.) Вечно безденежная студенческая братия постоянно «перехватывала» друг у друга мелочь, как правило, без возврата (на пирожок, на газировку — с сиропом или без): тот, у кого в данный момент были деньги, платил за тех, у кого их не было. Р. не составляла исключения и тоже, при случае, платила за других. Но вот однажды на лекции я увидел, как она аккуратно записывала в блокнот фамилию сокурсницы и против нее — 10 копеек (цена стакана воды без сиропа). Вела учет! Наверняка не для того,

чтобы вытребовать долг, просто для себя. Но — учитывала! Это показало мне настолько джигит, что я почувствовал к ней резкую антипатию и все последующие годы не искал контактов. **А почему, собственно?** Вот по этому самому, о чем я писал выше: я перенес наши этнические критерии на другой этнос. То, что для русского выглядит отклонением, уродством, для немца естественно и нормально. Я считаю, что обязанность каждого человека, который хочет быть интернационалистом, не поддаваться подобным эмоциям, разрешать представителям прочих наций быть другими, не такими, как мы сами. Такое возможно лишь при осознании реальных различий, а не при утверждении, что эти различия являются выдумкой, предрассудком. Думаю, что тот шок, который испытывает «русский» за границей, есть отчасти результат инстинктивного уподобления всех себе. Как только уподобление не срабатывает, начинают действовать отрицательные эмоции, которые формируют искренние, но несправедливые обвинения — даже там, где прельзаять претензии с точки зрения общечеловеческих, нравственных критериев смехотворно. Чтобы противостоять этой тенденции, надо ее отчетливо видеть.

Сергей СПЕРАНСКИЙ,
г. Новосибирск.

Лучше раз увидеть...

Я приехала в Москву, чтобы взглянуть в лицо врагу — тому, который сидит во мне самой. Я знала, что примирение между нашими нациями невозможно, если мне не удастся достигнуть внутреннего мира в себе, связать воедино белое и черное, верное и неверное, левое и правое. Я приехала в Москву за исцелением, за спасением от внутренней тирании, захватившей власть над моей душой.

Мои впечатления формировались в суровых условиях, впрочем вполне типичных для моего поколения. Когда я была еще маленькой девочкой, мой отец часто читал мне книжки про шпионов, рассказывал истории об агентах КГБ и сосланных в Сибирь людях. Он учил меня, что Советы не успокоятся, пока не захватят весь мир, и в подтверждение своих слов приводил примеры из истории.

И вот я в Москве, в самом центре России,— и я в полной растерянности. Я смотрю в лица окружающих меня людей и спрашиваю себя: русский он или американец? Русский или западноевропейец? Можно ли их различить просто по виду?

Неделя, проведенная в Москве, обрушила на меня лавину противоречивых впечатлений, каждое из которых четко, как образ на телеэкране, запечатлелось в моей памяти. Теплый прием, оказанный нам в Советском комитете защиты мира, постоянная готовность помочь нам со стороны переводчиков и сопровождающих, внимательность официантов и дежурных в гостинице — все это явилось для меня приятным неожиданностью, а еще более неожиданными были глубокие, интересные и доверительные беседы с представителями советской прессы и простыми людьми, встречавшимися нам во время поездки. На меня произвело огромное впечатление то, как хорошо вы понимаете проблемы моего народа, как владеете английским языком. Мне стыдно, что я ничем подобным в отношении вас похвастаться не могу.

Но наше путешествие оставило у группы и другие, менее радужные впечатления. Многие остались очень недовольны постоянно возникавшими изменениями в программе, отменой обещанной нам поездки в Ленинград и целым рядом неудобств: необходимостью по шесть раз на день выстаивать длинную

очередь, отсутствием в меню свежих овощей, таинственной пропажей кошельков — тем более, что все это на фоне наших политических разногласий. Но, конечно же, не это остается в памяти. Я считаю, мне очень повезло, что я посетила вашу страну в период гласности и перестройки, когда двери раскрыты настежь, а картина будущего только намечается.

Во всем чувствуется стремление к переменам: на лицах людей отражается надежда. Город раскрывается, как цветок на рассвете. Кажется, впервые в истории глава государства совершает революцию. Ваша гласность сегодня пока еще только новый образ мышления, но я верю, что она станет и новым образом жизни, новой социальной и экономической культурой вашего общества.

Американские «гражданские дипломаты» желают вам мирной перестройки. Но, пожалуйста, постарайтесь избежать ошибок американской революции, которая надолго отбросила на обочину общественной жизни женщин и представителей национальных меньшинств. Сегодня США и СССР составляют опасный дуэт. Мы слишком долго были врагами, не пора ли теперь вместо этого объединиться против общих врагов: голода, бедности, бюрократии и ожесточения сердец.

Нет худа без добра — Бомба должна объединить нас в борьбе с нашим невежеством.

Конни ЦВЕЙГ, США.

Чтобы не повторять ошибок

Предлагаю продолжить разговор, начатый Мих. Гейтнером на страницах 8-го номера журнала (за 1987 г.), поскольку считаю его незавершенным. Тема эта требует дальнейшего и самого тщательного исследования. Вижу в этом настоятельную необходимость, так как невозможно дальнейшее продвижение по пути здравого рассудка без всестороннего осмысления наших уже якобы канувших в лету постулков. На эту же

мысль наводит и главная идея фильма «Покаяние» («Люди, будьте бдительны! Не сотворите себе кумира!») и атмосфера последнего телестема «Москва — Вашингтон» (сквозь близость американских вопросов отчетливо проступает страх: нас действительно бояться (!). Необходимо снова и снова раскручивать спираль нашей истории, чтобы найти корни тех стереотипов политического, исторического, идеологического

мышления, которые дают нынче великолепные ростки обывательщины и уже не осознаются нами как заблуждения.

Со всей трезвостью, без преувеличенного восхищения проявлениями нового вселенского мироощущения мы должны дать себе сейчас самый ясный отчет, как трудно будет новому мышлению продраться сквозь дебри прочно укоренившихся стереотипов. Как изжить, например, дикий конгломерат патриотизма с милитаризмом, который еще остается основным лейтмотивом в политическом самосознании иных наших соотечественников? «Как? — слышу я в ответ на свои рассуждения об односторонних мероприятиях в сфере разоружения. — Допустить перевес сил в их сторону? Да они только и ждут, чтобы накинуться на нас и разорвать на куски!»

Может быть, для кого-то подобные восклицания являются отрадным свидетельством патриотизма и одним своим пафосом заставляют пристыженно прекратить всякие прения в области внешней политики. А я вижу здесь очередной стереотип, сложившийся в процессе воспитания на непререкаемом авторитете патриотических лозунгов.

И, конечно, в качестве неоспоримого аргумента в защиту вооруженного варианта «охраны» мира в полемических ситуациях неизменно звучит ссылка на трагический урок Великой Отечественной. И все... И разве можно что возразить? Возражения будут граничить с оскорбительным

для советского патриота кощунством над памятью павших в первые дни войны и после.

Но возразить необходимо.

Потому что, выходя на путь нового, жизнеутверждающего мировоззрения, нужно опираться уже не только на исторический опыт, а, может быть, даже вопреки историческому опыту — на общечеловеческие принципы морали.

Очень жаль, что приходится довольствоваться только свидетельством М. Гефтера, читающего пометки Сталина на полях книги и беседующего с очевидцем «обсуждения» этих пометок. Но я тоже разделяю мнение Гефтера, что поступок Сталина разумен и демонстрирует проявление принципа подлинного уважения в отношениях между государствами. Ведь и Ленин на 2-м Всероссийском съезде Советов много и убедительно говорил о вреде ультимативности в международной политике.

Хотелось бы услышать в этой связи мнения других историков. Возможно, отыщутся и другие свидетельства сталинских рассуждений о роли Советского государства в условиях начавшейся второй мировой войны.

Только через настоящее понимание тех или иных событий и поступков можно избавиться от опшбок. А кто сказал, что, списав все грехи на вину руководителей, мы сами не совершим их вновь?

Н. ФИЛИПОВА,
г. Москва.

Задумываясь над выбором пути

Я периодически получаю журнал «Век XX и мир», который считаю довольно интересным. С полной искренностью скажу, что это — одно из изданий, где можно найти материалы, выполненные на высоком профессиональном уровне, которые характеризуются глубоким идейно-этическим и

гуманистическим содержанием. Публикации этого журнала заставляют задуматься над необходимостью выбора подлинного пути, по которому должно будет пойти человечество для достижения высших целей, продиктованных нашим прошлым, настоящим и будущим.

Много нового можно почерпнуть из столь интересного журнала. Не могу сослаться на все, но хотелось бы вспомнить некоторые фрагменты.

В № 8 за 1986 г. в конце статьи «Всесоюзная конференция ученых по проблемам мира и предотвращения войны» читаем Достоевский говорил: «Красота спасет мир». Красота — то, что мы видим вокруг себя, красота нравственная, человеческая.

В № 1 (1987 г.) в статье Андрея Нуйкина «Не дешево ли мы себя ценим?» на стр 11 говорится: «Буржуазная пропаганда в союзе с массовым искусством, увы, но без успеха внушает обывателю...» и до конца абзаца. Какое великолепие подлинной реальности и чарующей правды! Во всем тексте нет ни одного слова, которое бы не несло глубокой смысловой нагрузки. Подобное должны слышать и знать все народы.

«Трава забвения, ядовитое зелье, отравляющее сознание и совесть, уродует память, делает ее гибкой и эластичной, выборочной и фрагментарной», — читаем в статье «Во что играют дети?» (№ 5/87). Прекрасно! Такая статья, как она есть, могла бы

служить материалом для проведения конференций о недопустимости умалчивания исторических фактов — явления, сопоставимого по сути с предательством.

В статье Вячеслава Игрунова «Если решили быть гражданами...» (№ 7/87) вскрывается лицемерие, обусловленное отсутствием каких-либо моральных принципов. «Если мы решили быть гражданами, мы должны сеять пшеницу». — Прекрасный призыв, обращенный к нашему сознанию, взывающий к долгу и ответственности, которые предначертаны человечеству историей его развития.

Как и мои друзья, считаю ваш журнал очень интересным. Нам бы хотелось, чтобы он был побольше форматом и набирался более крупным шрифтом, что его сделало бы более привлекательным. Спасибо за предоставляемую возможность узнавать о любопытных вещах, которых не найдешь в прессе капиталистического мира.

Ринато ВАСАЛЬО,
г. Буэнос-Айрес, Аргентина.

Искренность — без правды ?

С опозданием прочел в Вашем журнале мой ответ Слепухину (№ 6/87). Спасибо за то, что позволяете в своем издании выражать разные точки зрения.

Но общее мое ощущение таково, что наше сотрудничество становится все более проблематичным — я не могу видеть правды в настойчивом, яростном, агрессивном желании «новой волны», используя условия перестройки, поменять ленинские основы социализма, которое стоит и за статьей М. Гефтера (№ 8/87, «Надо ли нас бояться?»).

Учитываю все задачи — и нашей политики, и Вашего журнала, — но вижу, что именно Гефтер хочет лишить нас

возможности выбора, только делает это несравненно тоньше, нежели его единомышленники, и пропагандистски достигает большего, потому что относится к Сталину как к труп, хотя делает вид, что это не так.

Вся суть положения в том, что «новая волна» хочет запутать и завуалировать то, что начинает проясняться именно теперь, когда все обнажили свои истинные интересы.

Сталин — только лакмусовая бумажка наших дней. Это явление гораздо более серьезнее, чем подает Гефтер. Трагедию вызвал как раз не отказ Сталина от соперников и оппонентов, а преступный стовор самого Сталина с ними, когда,

разгромленные, они признали свое поражение.

При гефтеровском подходе мы не узнаем многих слагаемых истории, в том числе касающихся отношений СССР — Германия...

С горечью я замечаю, что сферу борьбы за мир хотят использовать как сферу переделки мира на недемократических основах, — это угрозы войны не уменьшит.

Сохраните в своем журнале дух дискуссий, не допускайте односторонности.

* * *

Не могу равнодушно слышать ложь и неправду. И до перестройки так было, и жил я нередко в сплошном мареве конфликтов...

В десятом номере «Век XX и мир» за прошлый год напечатана статья Людмилы Сараскиной «Чем помочь вашей перестройке?». Статья содержит некоторые истины последнего времени, которые мы относим к новому мышлению, прежде всего то убеждение руководства СССР и, разумеется, советского народа, что безудержное соперничество капитализма и социализма может привести к гибели человечества и потому разумно избежать военного конфликта, сосуществуя таким образом, чтобы ценностям всей человеческой общины отдавалось преимущество перед ценностями национальными.

Но одновременно с выражением некоторых общих истин Л. Сараскина делает ряд личных наблюдений, придавая им императивный характер, и это вызывает мой протест.

В желании опрокинуть старые «шаблоны восприятия» Л. Сараскина возводит новые, которые никак не позволяют честному читателю лучше понять советских людей.

Это прекрасно, что за несколько дней жизни на частной квартире в Найкерке (Голландия) она почувствовала «во всем какую-то замечательную разумность существования», заметила в средней школе «свободную, раскованную, спокойную, лишенную всякой казенщины и показухи» атмосферу, где сознательно приобщают к политике, формируя лич-

ность «с такими социально ценными и необходимыми сегодня качествами, как справедливость, свободолобие и свободомыслие». Осмотрев физиотерапевтический центр, Л. Сараскина увидела, «как практически могут воплощаться красивые слова о том, что человеческая жизнь — высшая ценность, а человек — мера всех вещей».

Л. Сараскина резко критикует советскую сторону за искажение облика капиталистического мира, где существует «непомерное изобилие». Попадая в высокоразвитую индустриальную страну, советский человек, «если он не циник и не оголтелый политикан», пишет автор статьи, «испытывает острый душевный дискомфорт»; чувство неполноценности побуждает его «жаждать разоблачений», тем более, что он буквально оупутан «невестью кем и когда написанными инструкциями»...

Хочу внести некоторую ясность в очевидные вещи, поскольку «живывал» за рубежом не одну и не две недели и поскольку выяснение сущности характера советского человека вот уже 30 лет является моей профессиональной задачей.

Начнем со «старых шаблонов восприятия», бытующих в народах друг о друге. Тут все зачеркивать — это зачеркивать историю народов, отменять национальный характер, который все еще существует вопреки действию нивелирующих и размывающих факторов. Что ж, француз действительно часто отличает склонность к шутке и оптимистическому восприятию жизни, а немца — к упорядоченному быту и хорошо организованной работе. Есть свои особенности у японцев, американцев, англичан, поляков, греков и т. д. Есть особенности и у русских людей. Тут, как и в каждом народе, можно найти всякого, но типичный русский будет выделяться бескорыстием, готовностью к общим поискам глубинного смысла жизни. Так что зачеркивать «шаблоны восприятия», за которыми стоят века и века опыта, было бы несправедливым и даже вредным. Другое дело — разоблачать и разрушать стереотипы, создаваемые лживой и злобной пропагандой...

И тут я хочу сказать, что русские все еще буквально окружены дымовой завесой этой пропаганды. Неточен даже сам термин «русские». На Запад приезжают, кроме собственно русских, представители других народов СССР — узбеки, украинцы, литовцы, буряты, евреи и т. д. Все они, помимо общих черт, присущих советскому содружеству, имеют собственные своеобразные черты.

Многие десятилетия на Западе культивируется образ «русского», который всего боится, тем более возмутительный, что военная доблесть русских, их эмоциональность, их нравственный и технический гений общеизвестны. Я вспоминаю такой, например, анекдот, который все еще рассказывают на Западе. В куше, где находится мужчина, входит женщина, итальянка, и начинается разговаривать. Мужчина, покашливая, продолжает читать газету. Итальянка спрашивает: «Импотенто?» — «Но», — качает головой мужчина. — «Гомосексуалиста?» — «Но». — «А, — догадывается — соблазнительница, — туристо руссо!»

Я не слышал ни единой истории, где бы советскому человеку воздавали должное за его лучшие качества, тогда как в СССР ходят истории, где и англичанин, и немец, и француз находят справедливую оценку.

Весь тон статьи Л. Сараскиной исходит из того, что мы, советские люди, должны сейчас каяться и просить прощения за то, что неверно оценивали развитый капиталистический Запад, не замечали его прелестей и т. п.

Абсолютно бездоказательный, по меньшей мере, тезис. Мне известны сотни и сотни благородных людей, которые всегда ощущали в себе «искренний патриотизм, не противоречащий советски», что не мешало им с полным уважением относиться к жизни зарубежья и не навязывать никому своих взглядов.

Давайте без демагогии: конечно, голландцы умеют работать высокоэффективно, но в один гектар площади Голландии вложено капиталовложений во много раз больше, чем у нас; у нас вложено во много раз больше только крови да дешевого мужицкого пота.

Россию грабили и до революции и в ходе революции, тогда как рачительные голландцы свозили богатства в метрополию из огромных колониальных империй. Есть еще много других известных причин нынешнего, довольно высокого среднего уровня жизни в Голландии, и миллионеру там, конечно, есть где развернуться, это не у нас, где пока еще могут поинтересоваться, откуда несметные суммы у человека, занимающего прилюдно весьма скромную должность.

И тут я должен сказать откровенно, как и положено людям, которые хотя и сотрудничают и понимают жизненную необходимость сотрудничества, что я лично никогда не проголосую за предоставление преимущественных прав тем, кто полагает, что он повсюду представляет советский народ, а на деле никого, кроме себя, не представляет. Как бы ни устарели какие-то каноны организации зарубежных связей в СССР, пока худо-бедно обесчещивается, что за рубеж выезжают рабочие и колхозники, те, кто составляет фундамент нашего общества. Они не стыдятся, что у них нет в кошельке лишних гульденов, потому что и дома нет лишних рублей: они нелегко зарабатывают свои деньги. Как сложится, если позволить представлять наш народ и наше общественное мнение тем людям, которые имеют доступ к рекламе и саморекламе и способны предъявить тяжелые кошельки, но неспособны внятно растолковать об их происхождении, я не знаю. Вероятно, тогда наши западные партнеры будут еще меньше знать о подлинном положении в СССР.

Давайте скажем прямо: пока между советским народом и народами капиталистических стран стоит мощнейший экран односторонне управляемой прессы. Мы практически не слышим чистых голосов людей западного мира, все они искажены фильтрами антисоветчины. И я думаю, этой прессе невозможно доказать, что СССР отнюдь не «империя зла», пока общественность на Западе не сделает брешь в сплошном пропагандистском экране.

К сожалению, и советская печать не-

редко искажает наши внутренние проблемы и упрощает положение в капиталистических странах. И на нас лежит ответственность изменить эту ситуацию.

Но и Запад, повторяю, может сделать немало для лучшего уяснения общечеловеческой ситуации наших нынешних устремлений. Тем более, что среди советских людей и поныне существует горечь: они полагают, что именно Запад навязал разорительную гонку вооружений после кровопролитной войны, где СССР защитил не только себя, но и идею недопущения мирового господства «сверхлюдей». Советский человек убежден, что если бы не враждебное окружение Запада, все процессы в СССР осуществлялись бы иным путем и народ не понес бы жестоких потерь от голода, яростной взаимной борьбы и репрессий, страна не понесла бы невосполнимый ущерб в интеллектуальных силах после революции и накануне войны.

Право, не нужно под видом перестройки или под прикрытием перестройки прививать мировому общественному сознанию другой стереотип, будто все «русские», будучи запуганы, никогда не говорили «собственной правды» о том, что они думают о капиталистическом Западе, что все кривили душой, видя богатства там. Искренность у искренних людей была всегда и правда присутствовала в словах честных людей и вчера и позавчера. Другое дело, что советские люди чувствовали и пока все еще чувствуют настороженность. Не потому, конечно, что западные общества сплошь утопают в роскошной жизни, а потому, что определенные силы Запада

все еще видят себе угрозу в том, что советские люди могут поднять уровень и качество жизни в своей стране.

Трезвые силы Запада, действительно, могут помочь нашей перестройке, укреплению общего мира, установлению новых отношений партнерства и сотрудничества — помочь именно тем, что побудят печать Запада объективно отражать все процессы жизни в СССР. Мы предлагаем правду и рассчитываем на взаимность.

Политика перестройки — сложный, но все-таки однозначный процесс. Ошибутся те, кто рассчитывает с помощью лишь одной пропагандистской лакмусовой бумажки определять зрелость нашей демократии, ошибутся те, кто рассчитывает, будто мы откажемся от своего выбора, запуганные сложностью стоящих перед нами проблем, смущенные чужим изобилием! Мы будем продолжать демократизацию общества до тех пор, пока народ не будет управляться сам собой, без посредников, претендующих на выражение его воли. Это не будет анархией, это будет новым уровнем порядка, новой эпохой в организации социальной жизни, и когда мы вступим в эту эпоху, наш пример, может быть, будет потрясать воображение гостей с Запада более, чем западный мир ныне поразило воображение Л. Сараскина.

И тогда мы, не требуя покаяний, поможем Западу в его перестройке — тем, прежде всего, что не скажем ни единого слова правды о настроениях его общественности.

Эдуард СКОБЕЛЕВ,
г. Минск.

Сор — из избы!

Очень обнадежили полемические заметки Андрея Нуйкина «Мы все за мир?» (№ 10/87). Каждый должен возделывать свой сад, мести сор из своей избы и бороться за всеобщий мир в пределах своего Отечества. Это труднее и рискованней (ожидая резких

нападков на А. Нуйкина в прессе), но подлинно гражданской может быть только такая позиция.

Леонид КАГАН,
инженер-конструктор,
г. Харьков.

Точность — не добродетель, а долг...

(По поводу заметок Андрея Нуйкина)

Недавно бюллетень («Век XX и мир», № 10 — 1987 г.) напечатал заметки «Мы все за мир?». Их автор — Андрей Нуйкин предпринял попытку определить отношение к проблемам войны и мира писателей, кинематографистов и профессионального военного.

Сразу же хотелось бы напомнить, что, анализируя произведения искусства, А Нуйкин в основном вел речь о реализме и пацифизме творческой интеллигенции. А обратившись к интервью заместителя начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковника Д. А. Волкогонова, опубликованному в бюллетене «Аргументы и факты» (№ 25 — 1987 г.), Нуйкин затронул вопрос советской военной доктрины и боевой готовности Вооруженных Сил.

Внимательное изучение заметок публициста позволяет обнаружить инсинуации А Нуйкина по поводу ответов Д. Волкогонова корреспонденту бюллетеня, что вызывает справедливое возмущение.

«...Разговор на страницах «Аргументов и фактов» зашел не шуточный. Не случайно начат он с попытки восстановить в правах... формулу Клаузевица по мысли Д. Волкогонова, она остается верной», — пишет Андрей Нуйкин (с. 38).

Но никаких попыток «восстановить в правах» формулу Клаузевица вдумчивый и объективный читатель бюллетеня не увидит. Более того, сами формулировки и смысл первых вопросов корреспондента «Аргументов и фактов», все содержание и дух ответов генерал-полковника Д. Волкогонова на эти вопросы являются свидетельством нового мышления, глубокого понимания императивов современности. Не заметить этого, а тем паче утверждать обратное, можно

лишь при крайне поверхностном чтении или же умышленно.

«Ядерное оружие, — считает Д. А. Волкогонов, — «переросло» цели, во имя которых оно создавалось. Качественно новый уровень развития военной техники поставил в новую плоскость и судьбу самой войны. По существу наступил рубеж, предел, граница войны (речь, разумеется, идет о войне ядерной), она перестала быть разумным, рациональным средством политики. В противном случае, как отметил М. С. Горбачев в своем выступлении 16 февраля 1987 г. на Форуме миролюбивых сил, в «ядерной войне строят и сами авторы такой политики». Думается, это главное в сегодняшнем определении соотношения войны и политики».

Но рассуждения Д. А. Волкогонова совершенно иначе истолковал, изменив до неузнаваемости, Андрей Нуйкин. Он, видимо, забыл, что точность изложения фактов — не добродетель, а долг публициста. Отступления от этого известного принципа порождают домыслы и утверждения, входящие в противоречие со здравым смыслом.

Как далеко они могут завести, показывает публикация тов Нуйкина. «Иностранцы туристы, — пишет он на с. 38, — пытаются измерить глубину нашей перестройки, любят задавать вопрос: «А если вы не согласны со своим правительством, можете вы об этом заявить во всеуслышание?» Беседа с Д. Волкогоновым — достойный ответ этим туристам. Можем! По сути, ведь он высказывает свое открытое несогласие с позицией Генерального секретаря ЦК КПСС».

Инсинуация возмутительная! Подобные приемы в полемике, пользуясь спортивной терминологией, классифицируются как удары ниже пояса. Они были в ходу в 30-е годы,

когда противниками и даже врагами народа и партии объявлялись многие честнейшие, вернейшие коммунисты. Но ныне другое время. Да и не только военные, но и весьма широкий круг советских читателей хорошо знают мировоззренческие взгляды, партийные и деловые качества Д. А. Волкогонова. Абсурдность и оскорбительность клеветнических измышлений Андрея Нуйкина по поводу интервью доктора философских наук, профессора, генерал-полковника Д. А. Волкогонова в бюллетене

«Аргументы и факты» для советского читателя очевидны. Статья А. Нуйкина напечатана в бюллетене «Век XX и мир». Среди его подписчиков есть и иностранцы. Хотелось бы, чтобы редакционная коллегия журнала правильно поняла эти мысли и чувства, вызванные необъективными заметками Андрея Нуйкина.

А. ХОРЬКОВ, доктор исторических наук, главный редактор «Военно-исторического журнала» Министерства обороны СССР.

Ничего, кроме правды!

Почитал я «Век XX и мир» номера 7, 10 и другие за 1987 год. Предложил их мне товарищ. Вначале я не захотел даже брать их. «Очередная пропаганда», — сказал я. Но товарищ настаивал, и я взял. И не пожалел!

Когда я принес их на работу в свой цех и дал почитать коллективу, то это вызвало ажиотаж. Простые рабочие и ИТР были просто в восторге, особенно от публикаций Лена Карпинского (№ 7/87), Петра Глебова (№ 7/87), Людмилы Сараскиной (№ 10/87) и других. А парторг сказал, что это антисоветчина и редакции надо бы 1937 год и тов. Сталина. Но его никто не поддержал.

Давно пора, товарищи журналисты, начать писать правду, только

правду и ничего, кроме правды! И «Век XX и мир» идет в авангарде перестройки, борьбы за мир и права человека. Смелее, товарищи журналисты, пишите, что и кто мешает нам двигаться вперед, воспитывайте нас — поднявших головы и стремящихся к освобождению и миру без насилия и войн.

Позвольте от имени группы товарищей (в основном молодежи) поблагодарить вас за вашу важную и порой небезопасную (наследники Лаврентия Павловича еще очень опасны!) работу.

Пусть наступивший год будет мирным и светлым для всех людей!

Н. ПАВЛОВ, рабочий, г. Харьков.

Баррикады перестройки

«Перестройка только начинается»,— сказал один из участников «круглого стола», состоявшегося недавно в редакции. Действительно, этот процесс еще не зашел так далеко, как нам хотелось бы. Еще многое мешает ему, не дает развиваться в полную силу. Понятно, какой интерес вызывает этот процесс среди наших советских и зарубежных читателей. Мы предлагаем сегодня сокращенную стенограмму дискуссии, состоявшейся в редакции и посвященной именно тем видимым и скрытым препятствиям, которые естественны в том сложном и по существу революционном процессе, который идет сейчас в нашей стране. Дискуссия, как увидит читатель, отличалась как открытостью, искренностью высказываний участников, так и глубиной затронутых проблем.

В ней приняли участие: литературовед Людмила САРАСКИНА, писатель Борис МОЖАЕВ, историки Юрий АФАНАСЬЕВ и Леонид БАТКИН, социологи Лен КАРПИНСКИЙ и Григорий ПЕЛЬМАН, публицисты Юрий БУРТИН и Андрей НУЙКИН, философы Георгий КУНИЦЫН и Анатолий АРСЕНЬЕВ.

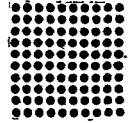
Б. Можаяев

Я стану говорить об элементарных вещах. Как писатель, я встречаюсь с вопросами обычными, изначальными: что нужно людям на стройке, на заводах, в колхозах... Рядовым, обыкновенным работягам — что нужно?

Говорят, что масса индифферентна; это не так. Простой механизатор рассуждает о своих проблемах так же толково, как мы. Он смотрит на меня в упор и спрашивает: слушай, неужели ты веришь, что возможна перестройка при существующих Госплане и Госснабе? — А в чем же,— я спрашиваю его,— смысл перестройки? И получаю насмешливый ответ: они хотят работать по-новому, но так, чтобы все оставалось, как было.

Всем известно — не только на XXVII съезде, но и на многих Пленумах ЦК КПСС, начиная с сентября 1953 года, говорилось, что надо запретить планирование посевных площадей колхозам сверху, это наносит стране страшный вред! И что же мы видим сегодня? Посевные площади расписаны по всем областям на пять лет вперед... Что же остается делать крестьянину? Снова обманывать власть или выполнять распоряжения высоких инстанций и калечить землю? Третьего не дано.

Перестройка в законодательной части, я полагаю, намечена верно, но она застряла в привычке администрации к показухе. Дело верховной власти за малым: принудить исполнителей уважать закон. Тогда будет толк.

А. Карпинский

Показуха эта до сих пор имеет глубокий социальный подтекст. Скажем, неграбительно убирающий картофельное поле тракторист заведомо производит не картошку — он «производит» скорость уборки, за что и имеет свою зарплату. Его директор также хлопочет не о картошке непосредственно — но о показателях успешности своего руководства совхозом, и собранная картошка призвана прежде всего засвидетельствовать этот успех. Выше — обком, спустивший нелепые директивы о досрочной уборке. Еще выше — эта административно-директивная цепь преобразуется в звенья политического характера... Липовый отчет о «своевременной» уборке картофеля по логике ряда обобщений превращается в широковещательную реляцию о досрочных победах социализма, попадающую в учебники.

В этом непрерывном производстве фиктивно-демонстративного, по сути мифологического, продукта исчезающе мало весят и картофель как потребительная ценность, и ценность самой жизни отдельного человека.

А. Арсеньев

Мое отношение к перестройке двойственное. С одной стороны, я, конечно, целиком «за» и как человек, и как философ, которого отсутствие гласности обрекало в течение десятков лет на немолту и мучительное чувство невозможности самореализации. С другой стороны, я глубоко сомневаюсь в возможности ее осуществления в обозримые сроки.

Дело в том, что общество — органическая система. А в такой системе господствует детерминация частей целым, распределяющим функции и приспосабливающим для этого существующие структуры и создающим новые. Благодаря этому система как целое способна к регенерации и при всяких вторжениях в нее и даже ампутациях возвращается в то равновесное состояние, которое более-менее адекватно реали-

зует сущность, ее глубинное основание. И потому поверхностные, не затрагивающие основание перемены будут лишь изменениями формы, к которым система легко приспособится, чтобы через них реализовать все ту же свою сущность. Основание в данном случае складывалось, по моему мнению, в течение многих веков, и изменить его не так просто. Спротивление будет на всех уровнях.

Для начала нужно достаточно глубоко констатировать то, что есть в нашем бытии сейчас, охарактеризовать именно систему в целом, не скрываясь за привычные вывески: «социализм», «общественная собственность», «планирование» и т. п.

Мне кажется, что незрелость общественных отношений выражается прежде всего в кастовой системе бюрократии. Создалась именно та ситуация, которой опасался В. И. Ленин. Он говорил, что положение партии большевиков как правящей очень опасно, что если строжайшим образом не будет проводиться принцип, согласно которому членство в партии и занятие партийных должностей не должно давать человеку материальных или иных преимуществ, партия неизбежно вырождается в касту, в бюрократический аппарат, оторванный от народа. В качестве охранительной меры В. И. Ленин, как известно, предлагал партмаксимум и постоянную сменяемость всех должностных лиц.

Почему предупреждение В. И. Ленина «не сработало»? Ответ, на мой взгляд, нужно искать в том самом общем органическом основании жизни русской нации, которое определяет собой все социальные и личные отношения, отношение к миру в целом, национальный характер и стиль мышления и истоки которого уходят в глубь веков.

А пока что, мне кажется, самым мощным, обладающим практически безграничной властью тормозом перестройки будет бюрократия. Она за счет государства обладает массой кастовых привилегий, не только материальных (квартиры, машины, спецобслуживание, продукты со специальных хозяйств и т. д.,

и т. п.), но, например, и юридической безнаказанностью.

Характерно, что своими кастовыми привилегиями бюрократия пользовалась тайно «аки тать в нощи», а публичный рассказ о них карался до недавнего времени как клевета на Советскую власть. И вообще, охраняя свою власть и привилегии, бюрократия создала всеобщую систему лжи и лицемерия. Поэтому ближайшей задачей на пути к перестройке является, на мой взгляд, задача — выпутаться из колоссальной, многими десятилетиями создававшейся системы лжи, обмана, лицемерия, извращения всех понятий, в том числе нравственных. Без этого все рассуждения о перестройке будут бессмысленны.

Г. Куницын

Мы дожили до момента, когда официальная партийная мысль, воля государства вновь опережает общественную: это впервые после смерти Ленина. Так было бы с идеями XX съезда, но тогда победа не была одержана. Сейчас же есть больше возможностей для успеха. Однако уже с самого начала надо определить базовое понятие: речь ведь у нас, в сущности, должна идти не просто о перестройке, а именно о новом этапе революции, начавшейся 25 октября 1917 года, в том числе и об обратном отвоевании того, что утрачено. Если **только** перестройка, то это не дает нового качества. Потерь было много, но старт Великого Октября — уничтожение частной собственности — уцелел. Он-то и спасал. Общество и теперь выход найдет. Не погибнем! Но потому-то и нужна социологическая четкость: если мы в одной лодке, то значит ли это, что и по одну сторону баррикад? С США мы тоже на одной планете, тоже в одной лодке, но значит ли это, что у нас одни цели? Формы противоречий и формы борьбы меняются, но факт остается фактом: кто-то пытается проковырять дно в лодке...

Хотим ли серьезного разговора со своим собственным народом? Или будем надеяться на автоматизм действия хозрасчета, который, конечно, приведет

к смене кадров? Но хозрасчет не охватывает центральной сферы управления, а в ней противников перестройки явное большинство. Лодка-то одна, а политического единства в ней явно нет. Особенно теперь. Прежде чем переходить к демократии в решении кадровых вопросов в аппарате, их надо было бы поменять именно авторитарным способом. Без всяких репрессий, надо ликвидировать всякую **назначаемость**, введя выборность всех должностных лиц. Но проводить в жизнь это должны убежденные люди, а не сами чиновники. Вспомним, что революция, по Ф. Энгельсу, «самая авторитарная вещь».

Далее. Есть и еще более тревожная проблема — молодежь. Она ведь не поднята, посмеивается над теми старыми, которые не могут объяснить, куда хотели бы направиться. Никогда и никакие революции не совершались вне решающего участия в них молодых. Предыдущий съезд комсомола не оправдал ничьих надежд. Надо найти или соперничающую с комсомолом в борьбе за революцию форму организации молодежи и тем раскочерить энтузиазм молодежи, или пересоздать комсомол — распустить его и тут же отобрать из него одного из пяти, а то и одного от десяти...

Г. Пельман

О явных врагах перестройки тут уже говорилось — это элитарные, кастовые группы, запретительные силы. Но перестройке угрожает и будущее ее собственных процессов, поскольку перестройка в сфере общественных отношений приведет к появлению новых социальных суверенов, к изменению политических функций внутри общественных групп, а также между группами, повлечет перестройку механизма взаимодействия между советскими, партийными, общественными организациями, группами.

Будет происходить «передел» зон влияния вокруг центров принятия решений. А это процесс не только болезненный, но и конфликтный. Уже сейчас необходима своеобразная карта пере-

дислокации политических сил в обществе, перегруппировки зон политической власти, некоторые из которых расширят свои границы, изменят контуры, для других — неизбежно сужение, сокращение. Готовность отступать, согласие уступать и отдавать прежде занятый, оккупированный плацдарм теневой власти, ради социалистического обновления должна стать нормой общественного поведения.

Могут быть разные пути оконтуривания подобных зон — например, категорический запрет на вмешательство парт-органов в хозяйственную деятельность.

С другой стороны, следует сознавать, что провозглашенный курс на демократизацию, гласность, «больше социализма» неизбежно порождает тенденцию персонального соучастия граждан в радикальных преобразованиях. Многообразие позиций, точек зрения на перестройку, естественно, будет импульсировать образование групп, осуществляющих «защиту» общественного мнения, демократически «врываясь» в сферу политических отношений. Это положительный процесс, и уже сейчас к нему необходимо всесторонне готовиться, привыкая к «демилитаризации» политических отношений.

Вряд ли ошибусь, если сделаю предположение, что для многих возникает представление, что перестройка ведет к примирению социальных и экономических противоречий, в том числе и внутри предприятий. Это далеко не так. Происходит становление нового механизма согласования противоречивых интересов между социальными группами, основанного скорее на «вынужденном примирении», чем на «добровольном единении». Противоречия становятся естественными, проявленными, а не упрятанными в кажущемся согласии.

В производственной сфере разветвление, поляризация интересов социальных, профессиональных групп внутри предприятия ведет к зарождению противоречий, к усилению конфликтов между администрацией и рабочими. В течение длительного периода теневые завоевания, теневые гарантии образовали устойчивую систему зависимости и «круговой поруки». Такая система «те-

невой кабалы» приводит к тому, что работники не заинтересованы в осуществлении своих трудовых и демократических прав, к размыванию классовой общности рабочих, бесцельности института профсоюзов.

До недавнего времени, вся система отношений между администрацией и работниками на предприятии была, в основном, построена на взаимном, подчеркиваю — взаимном интересе дорисовывания фиктивного нолика справа от «произведенной единички». Получавшаяся в результате «десяетка» удовлетворяла и тех и других. Предстоящие радикальные экономические преобразования, хозяйственная жесткость, развитие производства за счет «наведения порядка» в первую очередь будут посягать на эти «теневые» гарантии, которые прочно вошли в быт общества и подлежат замещению на реальные «световые» гарантии, а не искоренению за счет работников. Встает естественный вопрос: кто и каким образом сможет осуществить «социальную защиту» в условиях обострения противоречий на предприятиях между рабочими и администрацией? В настоящее время отсутствует дееспособный орган защиты интересов рабочих. Отсутствует социальная культура конфликта, исторический опыт согласования интересов.

Сегодня трудовой коллектив социально беззащитен. Завтра, в ходе реформы, первоначальный экономический натиск на положение трудящихся может вызвать конвульсии, которые оборвут демократический процесс.

Б. Можав

Поэтому действовать надо методом перестройки, то есть революции сверху — без потасовки.

А. Карпинский

Стало правилом повторять, что мы «все по одну сторону баррикад». Но баррикады нельзя представлять себе только по детским книжкам: поваленные трамваи, гряда из булыжника, горы мебели, выброшенной из квартир, и — Гаврош ловко ползет, поднося пат-

роны!.. Но есть ведь и другие баррикады — когда человек встает и открыто говорит то, что думает, но что очень, смертельно не нравится другому человеку. Этих, не физических, «баррикад» нам не избежать.

Ю. Афанасьев

А уж ежели намерен, то надо во весь голос сказать: для того чтобы нам понять самих себя или, говоря другими словами, постичь сущность общества, созданного за годы Советской власти, нам **предстоит еще** заново проанализировать и переосмыслить всю нашу историю, то есть выразить состояние нашего общества и весь его путь к этому теперешнему состоянию не только в лицах и фактах, не только событийно, но и проблемно, представить наше прошлое и настоящее теоретически, в научных категориях.

Задача чрезвычайно сложная. Особенно если посмотреть на исходные рубежи для ее решения, если учесть, в каком состоянии находится сегодня марксизм.

Разумеется, марксизм в конце XX века не может существовать в том же виде, каким он был когда-то. И не только в силу общих закономерностей, присущих всей интеллектуальной истории человечества. Ведь он как бы включает в себя идею непрерывного самоотрицания. Для него пересмотр, критика, отрицание — абсолютны, а сохранения — всего лишь момент относительности. Но есть и еще одна грань — это новая мыслительная ситуация современной эпохи и совершенно иная социальная практика на рубеже второго и третьего тысячелетий. Все это в самой осязаемой форме (марксизм — вечно живое, творческое учение) признают все. Сложности начинаются с того момента, ког-

Фоторепортаж

ДАН МИРУ ШАНС!

Вот что было в Москве накануне вашингтонской встречи М. Горбачева и Р. Рейгана. Тысячи людей, взявшись за руки, образовали живую цепочку, соединив два своеобразных полюса — приемную Президиума Верховного Совета СССР и Посольства США. Главный лозунг этой Цепочки мира: «Да — договору! Идти дальше!»

Идея передать обращение общественности Генеральному секретарю ЦК КПСС и Президенту США накануне их встречи в Вашингтоне, родившаяся у москвичей, была горячо поддержана в Советском комитете защиты мира и в его московской организации. Советскому и американскому руководителям было сказано:

— Приветствуя ликвидацию целого класса ядерных ракет, советские люди считают, что за этим первым шагом должны последовать другие практические меры, призванные полностью освободить нашу планету от ядерного оружия.

Футляры с текстом обращения плыли над головами, вместе с цветами их передавали из рук в руки. Обращение было вручено представителям обеих стран и доведено до сведения М. Горбачева и Р. Рейгана.

Снимки Алексея ФЕДОРОВА

да предпринимаются попытки конкретно указать, какие положения классического марксизма на сегодня устарели и по каким направлениям он должен обновляться.

Известно, например, представление о трех источниках и трех составных частях марксизма — немецкая классическая философия, английская политэкономия, французский утопический социализм. А новые источники? Ведь названные все относятся к XVIII, XIX вв. Они что, по-прежнему остаются основными источниками марксизма? А можно ли поставить вопрос так: источниками современного марксизма являются все наиболее талантливые и мощные интеллектуальные направления современного мира, разумеется, при сохранении и углублении марксизмом своего, присущего ему своеобразия.

Во-первых, диалектика. Она должна, с одной стороны, переосмыслить все

новые достижения естествознания. Теория относительности, квантовая физика, современная генетика, теория сверхпроводимости — все эти и многие другие отрасли знания коренным образом изменили наши представления о макро- и микромире, и свести все заключенные в них идеи, или даже какую-то одну из них, например боровскую идею дополнительности, к гегелевской триаде никак невозможно. С другой стороны, диалектика могла бы существенно преобразиться, вобрав в себя новейшие гуманитарные направления. Например, идею диалога М. М. Бахтина.

Во-вторых, истмат. Он нуждается в учете новых данных, в частности о традиционалистских обществах. Не надо забывать, что Маркс и Энгельс да в значительной степени и Ленин работали в ситуации, когда мало что было известно о древнем и средневековом Китае, об Индии и пр. Но сейчас накоплен ог-

ромный материал, который дает возможность класть в основание материалистического понимания истории не только хорошо и давно изученную европейскую модель, но и современные восточные модели. Кроме того, есть представления о социо-культурных моделях, которые в значительной мере преодолевают слишком схематичное, резкое противопоставление экономики как базиса и надстройки. То есть все накопленное философскими историческими сферами знаний дает возможность построения гораздо более сложной картины соотношения экономики и так называемых внеэкономических факторов и всей картины движения общества в целом.

Далее. И Маркс, и Ленин исходили из следующих посылок: первая — капитализм свою роль уже сыграл, он развил уже свои гражданские силы и создал те отношения и те политические надстрой-

ки, которые остается только взять и тут же начать использовать для социалистического развития.

История оказалась иной в том смысле, что то состояние, которое наблюдал Маркс (и даже Ленин, назвавший его империалистической стадией развития капитализма), было одним из ранних состояний капитализма. Теперь это ясно. Но никто не мог, ни один гений, предвидеть 1-ю НТР, 2-ю и т. д. Они думали, говоря в терминах современных, что, мол, вот, раз создано индустриальное общество, значит созданы и предпосылки для социализма. Они не могли, естественно, предвидеть, что будет постиндустриальное и постпостиндустриальное общество. Они не могли предвидеть электронной революции, атомной, лазерной, компьютерной революции, сверхпроводимости и т. д. То есть не могли предвидеть, что развитие машинного, индустриального произ-

Фоторепортаж

водства есть лишь ранняя, незрелая ступень возможного при капитализме технического прогресса и что этот прогресс будет продолжаться, внутренним ходом разворачиваться, перестраивая, ломая все прежние формы, включая и форму частнокапиталистическую. Ленин констатировал лишь монополию — но позднее все это осложнилось до чрезвычайности. Все это совершенно новые представления о капитализме и о его возможностях, и, естественно, что многие идеи Маркса и Ленина в этом смысле оказываются устаревшими.

Вторая посылка вытекает из первой: мы — современники кануна и перехода к коммунизму. Маркс ждал его при своей жизни. Ленин — тоже и тем более. И при всем понимании сложности этого перехода схема была такая: не сразу к коммунизму — через социализм, детали и сроки не определялись, конечно, но в самых общих чертах предпо-

лагалось лишь несколько десятилетий. Более того, сразу после захвата власти в 1917 году казалось, что можно отказаться от рынка, от денег и начать строить коммунизм, пусть пока что и военный. Это не было просто заблуждение, утопия. Это было основано на переоценке достижений капитализма и тех предпосылок, которые он создал. Не только в отсталой стране, но и в любой, там тем более, казалось, пойдет все как по маслу. Оказалось не так. После монополистической стадии капитализм переживает третью и четвертую и прочие.

Третье. Должно быть новое учение о социализме. При этом оно пока что тоже мало развито. Хотя какие-то элементы можно найти у западных марксистов, в частности итальянских — Грамши, Тольятти. В этом новом учении надо многое переосмыслить. Например, роль политического, государственного фак-

тора и опасность огосударствления общества. Надо проанализировать заново соотношение социализма и личной заинтересованности — от нэпа к современной перестройке, включая и опыт Китая, других социалистических стран. Следует учесть, что социализм — это не какая-то кратковременная, промежуточная мера, когда коллективные факторы выступают в чистом виде. Социализм должен не просто использовать возможности классического капитализма, их совершенно недостаточно, а должен использовать, в конкуренции с современным, продолжающим развиваться капитализмом, те новые и новые возможности, которые обнаруживаются внутри капитализма, и не уступать ему в этом.

Стало быть, оказалось, что переходная эпоха — это эпоха капиталистически-социалистическая, что никак не было предусмотрено классиками. Они думали, что один этап кончается, другой — может быть, в России, начнется, но тут же продолжится везде, охватит весь мир. Оказалось, что переходная эпоха, то, что называется социализм, — это социализм в конкуренции с капитализмом. Сосуществование — и не на год, не на два, а на века. Это значит, что социализм не на развалинах капитализма, к тому же отличающегося от прежнего рядом существенных признаков. Он должен использовать не просто наследие капитализма, а и внутри себя использовать многие категории капиталистического общества в сочетании с перераспределением собственности и изменением характера власти. Эти задачи не решены. Их решения намечаются с перестройкой. Это шанс. Итак, мир капиталистически-социалистический с капитализмом, который должен считаться с нашей конкуренцией и давлением собственных законов.

При этом остается непреходящим главное в марксистском учении о переходе к социализму: только капитализм, обнажая несправедливость, создает и впервые развивает не только экономические, но и политические условия для собственного преодоления. Такого рода преодоление намечается в глубинах самого капитализма в самых разных ви-

дах — в виде развития демократии, необыкновенной для XIX века; в виде появления новых массовых движений, которых в XIX веке не было; в виде нового соотношения обобщественного и частного секторов в рамках капитализма и пр. Но это преодоление капитализма не есть конфронтация двух миров, а это сложное, действительно переходное состояние. Переходное и в том смысле, что и в тех странах, где социализм наметился, сохраняется рынок, рынок конкуренции, хотя и при иной структуре собственности и ином характере власти, в виде демократии.

То есть нужно новое учение о социализме, которое соответствовало бы новой реальности XXI века. На смену старому, «классическому» марксизму приходит марксизм в качестве нового, интеллектуального состояния.

А. Сараскина

Мне кажется, вы все идеалисты — в том смысле, что исходите из идеала, из убеждения, будто «старт» — импульс Октября — уцелел. Позволительно спросить (а такой вопрос резонно задают шестнадцатилетние), каким этот импульс дошел до нас? Что именно уцелело? В какой мере общество и строй, существующие ныне, могут быть названы социализмом в ленинском понимании?

Я была совсем маленькой, когда умер Сталин. В семь лет услышала об «антипартийной группе» и Берию, «шпионе английской разведки» Учась в школе, видела, как год за годом дискредитируются идеи XX съезда и реформы Н. С. Хрущева. Затем он был смещен и назван волонтаристом. В институте мне снизили балл на экзамене по истории КПСС за выражение «в эпоху культа личности». «Не было такой эпохи! — кричал рассвирепевший экзаменатор. — Надо лучше читать партийные документы». В «эпоху застойных явлений» я въехала студенткой, а затем преподавателем литературы и 15 лет пыталась внутренне сопротивляться липкой паутине, сотканной из демографии и лжи. До меня и моих сверстников, чья сознательная, взрослая жизнь пришлось как раз

на застой, импульс Октября дошел в значительной степени искаженным и потускневшим. А каким он дошел до нынешних шестнадцатилетних, рожденных в одиозные семидесятые? Мы не можем об этом не думать — ведь будущее перестройки в их руках, а не в наших. Что сделать, чтобы старт Октября и его импульс был для них различим и внятен, чтобы перестройка воспринималась не как затея стариков-ветеранов, а как дело жизненное, объединяющее для всех важное? Как здесь не задуматься о стереотипах политического мышления?

Политическое, социальное самосознание ревнителей ортодоксии опирается на три старых догмата.

Догмат первый. Мы — общество победителей, «гегемоны», получившие от истории индульгенцию на вечные времена. Но не история, конечно, а мы сами именем истории выдали себе охранную грамоту о нашей вечной и неизменной правоте. Наша, «единственно верная» теория служит оправданием практике, а наша практика обязана и призвана служить подтверждением истории.

Догмат второй. «Мы прошли славный путь, и каждый день этого пути самоценен». Знать о чудовищных преступлениях, совершенных против народа, и настаивать на ценности **каждого** дня, и даже тех дней, месяцев, лет, когда страной правило «чудище обло, озорно, огромно, стозебно» (Радищев), — по меньшей мере безнравственно. Размышлять в рамках концепции «отдельных просчетов при неуклонном движении вперед» — по меньшей мере несправедливо, особенно если знать, хотя бы приблизительно, о числе жертв ГУЛАГа. Жуткая бессмыслица формулы «славный путь» преследует меня всю жизнь. Можно ли сегодня так бездумно повторять это заклинание?

И, наконец, третий догмат, вообще не отечественного происхождения; приплывший к нам из чужих краев, он гласит: **вождь всегда прав.** В переводе на русский выходит: начальство никогда не ошибается!

Использующие этот лозунг хорошо освоили: чтобы уцелеть и преуспеть, на-

до послушно уклоняться вместе с генеральной линией. Но разве это кадры для перестройки — люди без нравственно-го стержня, без собственных убеждений?

До тех пор, пока устоями перестройки останутся три эти догмата, сама перестройка будет восприниматься гомункулусом, эмоционально неприемлемым для молодых. Они должны усвоить, что вождь может быть и не прав! При моей жизни не было в стране лучшего лидера, чем М. Горбачев, но если мы не воспитаем культуру полемики, культуру диалога с лидером любого ранга, мы окажемся там, откуда пришли. Нельзя, чтобы сама мысль о возможности подобной дискуссии казалась провокацией.

Поймите, есть люди, которые сформировались как личности в отсутствие идеала. Ради них я спору с предлагаемой здесь точкой отсчета, что для молодежи эта точка почти неразличима. Поэтому я принимаю ваш пафос, но **глубоко сомневаюсь** в вашем анализе!

А. Нуйкин

Перестройка расшевелила мозги у самых широких слоев населения и повернула их к политике. Мы учимся мыслить политическими категориями, а дальше нам придется действовать по правилам реальной политики. И уже сегодня нужны долговременные, структурные политические решения.

То, что мы вступили с самого краешка в полосу реформ, порождает опасную иллюзию, будто впереди у нас гарантированный долгий срок их свободного развития. А ведь уже сегодня решения съезда не выполняются. Реформы намечены правильно и хорошо, но не работают. Мы аплодировали, когда М. Горбачев на съезде говорил о повороте к диалогу, — а что потом? Полгода спустя указ о «нетрудовых доходах» ударил по труженику, фактическая реализация Закона об индивидуальной трудовой деятельности пока не столько развязала, сколько повязала руки работнику. Оказалось, гражданин не вправе осуществлять конституционное право на труд как находит нужным: нет,

он обязан упасть в ноги мелкому советскому клерку и просить у него разрешения трудиться!..

Неотложная задача для всех, кому дороги идеи перестройки, — сделать шаг к осмыслению наметившегося тупика. Помочь перестройке сейчас мы можем в первую очередь тем, что станем ее критиковать. Да, пора критиковать перестройку! Критиковать не прекрасный ее замысел, а бесплотность ее форм, негодность некоторых применяемых средств, уступки главному противнику перестройки — многомиллионному аппарату бюрократов-управленцев. Нельзя упускать время, упокая на необратимость процессов. Пока у нас, увы, все зависит от позиции одного-двух человек. А раз так, то перестройка может оборваться, так и не разрывшись по настоящему. Никаких гарантий у нее нет. А для успешного хода ее особенно важно, думается, чтобы в стране начали складываться открытые, отчетливые, политические структуры, отражающие разные программы построения коммунизма, с их лидерами, особенности взглядов и позиций которых были бы нам известны, спланивали и структурировали единомышленников. Да, это ведет к поляризации сил, но нельзя выбирать, не имея выбора. А возможность свободного политического выбора — это то, что могло бы стать подлинной гарантией перестройки.

А. Карпинский

Что мы видим сегодня? Широкое многослойное бюрократическое сообщество откладывает яйца под кожу перестройки и кормит за счет ее молодой, свежей плоти свои личинки, пытается «работать» в новых категориях по-старому. А тем временем в политической идеологии перестройки, которой мы не нарадуемся, уже возникают силы торможения и обратимости.

Главный метод этих сил, раз уже использованный после смещения Н. Хрущева, состоит в попытке соорудить в общественном сознании эклектический образ истории. Удержать скомпрометированные политические и идеологические реалии, укрыть их, спасти, выго-

ворить право на их существование внутри нового мышления и — как только станет возможным — перейти в наступление. Я имею в виду не «полуправду», а как раз формально полную правду, выстроенную по принципу «все вместе» из разных половин: с одной стороны, с другой стороны!..

С одной стороны, были коррупция, моральная деградация, подавление инициативы и застой, разыгрывались неслыханные трагедии, а рядом — радость, энтузиазм и великие свершения!.. Допустим. Но как прикажете понимать целое?! Где системная логика?

Оппортунизм, как открылось, существует в двух вариантах: оборотительном — эклектическом, когда он маневрирует и выкручивается, и агрессивном — догматическом, гильотинирующем «крамольные» мысли, когда он в атаке и имеет силы бесцеремонно отсекал прогрессивные идеи. Эклектика — трусливая форма догматики. Скажем, упорные заявления, будто мы «от социализма к рынку не пойдем»!.. Но ведь рынок как таковой не «напротив» социализма, он возник задолго до нашей эры, на заре человечества, которое без рынка и не состоялось бы. Противопоставлять рынок социализму — значит нигилистически противопоставлять социализм всей истории, коренным формам совместности и общения людей. До сих пор с социализмом плохо не потому, что есть рынок, а из-за того, что его нет.

Еще один прием противников перестройки — присвоение и использование святых. Влезают в шлемы комиссаров гражданской и каски солдат Отечественной, под кольчугу Дмитрия Донского и, выставляя себя единственными носителями патриотической идеи, взывают к «бдительности», объявляют всесоюзный розыск «очернителей». Это игра на присутствии каждому патриотических чувств остается тем не менее расчетливым приемом отвода глаз. Эксплуатация святых или, наоборот, идеологических пугал в консервативных целях — опасный вид социальной демографии.

В адрес нынешней публицистики есть, разумеется, что возразить. Я бы сказал, например: наша хлесткая критика по

мелочам, наши петушинные наскоки на прошлое и настоящее превратились в конвейер банальностей. Довольно только вскрывать «некоторые недостатки» — этим дряблым способом борьбы мы сыты по горло. Не успеешь свалить одного «нечистого», как из-за его спины выглядывает такая же мерзкая физиономия. Подобная «макушечная» критика лишь радует бюрократию, укрепляет ее неизбежность в целом, а также снабжает работой ее контрольные инстанции. Словом, хватит разоблачать — пора анализировать!

Ю. Буртин

Я разделяю пафос звучавших здесь выступлений и критику нашего наличного состояния. Но во все время разговора мне не хватало одной детали, именно — вопросительного знака. За годы молчания мы накопили в себе тьму восклицаний, и они теперь рвутся наружу. Сегодня нужна сила, чтобы не торопиться с ответами, и я хотел бы заняться постановкой вопросительных знаков.

Спрашивают: что мешает перестройке, что стоит у нее на пути? Да все мешает, решительно все и вся! Трудность первая заключается в самом объекте перестройки. В том, что им является некая-то сумма пусть серьезных, но все же более или менее случайных и частных неурядиц и поломок внутренне здорового общественного организма, которые и надо исправить, не затрагивая основ. Объектом преобразования является общественная система в целом. Система, давно и прочно сложившаяся, по-своему внутренне законченная, целостная и в этом смысле, можно сказать, действительно «зрелая», — факт, не отменяемый не только отдельными ее противоречиями, но и общим кризисным состоянием, в которое она все более погружалась на протяжении последних десятилетий. Система, чьи главные слабости, в том числе застойность и недемократизм, увя, столь же органичны для нее, как и то, что составляет ее преимущества (плановость, политическая стабильность): те и другие логически вытекают из одних принципиаль-

ных оснований и, по существу, взаимно продолжают друг друга.

Очевидно, что эта система (Г. Попов в апрельском номере «Науки и жизни» удачно назвал ее Административной Системой) в перестройке внутренне не заинтересована, та ей навязана сверху и поминутно отторгается ею по всем правилам иммунитета. Вопрос: как же преобразовать эту тупиковую, гибельную для нас, но притом органическую систему в нечто, принципиально от нее отличное и вместе с тем также органическое?

Другая трудность обусловлена тем, что в качестве проводников перестройки выступают (иного пока не дано) те же самые социальные институты: аппарат партийного, советского, хозяйственного руководства, научные учреждения, органы печати, суды, прокуратуры и пр., которые были орудиями стабилизации ныне перестраиваемой системы и срислись с этой функцией, приспособили к ней формы своей деятельности и свою организационную структуру. Конечно, им можно приказывать стать агентами перестройки, и они будут стараться взять на себя эту новую роль (по крайней мере изобразят такое старание), но нельзя не считаться с тем, что при этом им приходится действовать как бы вопреки самим себе, вопреки собственной функциональной природе. Здесь с неизбежностью коренится тенденция к торможению процесса демократизации и перестройки (гораздо более сильная, чем того требуют соображения разумного консерватизма), угроза его выхолащивания, превращения в слова. Вопрос: какие новые социальные институты надо создать и как преобразовать старые, существующие, чтобы они могли быть эффективными и самостоятельными двигателями перестройки, не требующими постоянного подталкивания сверху?

Третья трудность, как, с другой стороны, и надежда, конечно, — это люди и их интересы. Трудность уже в том, что в вышеупомянутых социальных институтах руководящие должности всех степеней по-прежнему, за редкими исключениями, занимают те же (или такие же) люди, какие и пять и десять лет назад

сидели на тех же местах. И других пока неоткуда взять. Но дело не только в них, не только в «проблеме кадров». Годы безвременья и застоя, бюрократического произвола и общественной пассивности, безгласности и буйно, в разнообразных формах разросшегося социального паразитизма резко понизили общий уровень общественной нравственности, опустошили целые поколения, в особенности те, которым как раз и предстоит осуществлять перестройку. Крайне противоречива и заинтересованность в перестройке. Все так или иначе понимают, что не перестраиваться нельзя, иначе — катастрофа, однако каждому в отдельности, в смысле его личного благополучия, перестройка в лучшем случае что-то обещает в будущем, но сегодня непосредственно ничего или почти ничего не дает, а у многих прозит кое-что и отобрать — если не должность или «нетрудовые доходы», то спокойствие, возможность работать вполсилы и т. п. Что победит в этом новом споре личного с общественным, идущем сегодня чуть ли не в каждой живой человеческой душе (а сколько душ «мертвых», которые даже и спора такого не знают!), и каким образом скажется на результатах перестройки такая противоречивость ее «человеческого фактора»? Ответ опять-таки отнюдь не предreshен.

И последний вопрос. В итоге 70 лет нашей советской истории в современном развитом мире существуют две системы, органичность (и в этом смысле жизнеспособность) которых подтверждена временем: капитализм и реальный социализм, в том виде, в каком он у нас сложился. Вопросом же является следующее (я уже затрагивал его чуть выше): может ли быть по крайней мере столь же жизнеспособная некая **третья структура**? Чаемая, желаемая нами, демократическая — может ли и она стать столь же органичной? Это должно сейчас стать предметом непредвзятого, углубленного и детального рассмотрения. С учетом, конечно, опыта нэпа, опыта наших 60-х годов и Восточной Европы, но и с учетом локальности этих опытов во времени и пространстве. Никто не снимет с нас бремени воп-

роса: мыслим ли третий путь? И каким, конкретно, он должен быть?

Не мы одни ищем ответа на этот вопрос — его ищет весь мир: Восток и Запад, Север и Юг. В современном капитализме тоже есть социалистический компонент, и он усиливается. В сущности, поиски «третьего пути» идут и здесь и там, наводя на мысль, что тем самым нащупывается — в различных вариантах — некое новое состояние цивилизации, отвечающее жизненным потребностям всего человечества. Поэтому, когда в нашей пропаганде, на ходу превращаясь в штамп, звучит тезис: «больше социализма», — мне хочется настаивать на уточняющем определении — какого? Того, который мы перестраиваем, или того, который хотим создать? Потому что чем наш нынешний социализм совершеннее, чем ближе он к административному «идеалу», тем хуже. И наоборот, чем наш социализм разнообразней, многоукладней, тем он живее и перспективнее для целого мира и тем ближе он к Ленину, к его и нашей демократическому идеалу.

А. Карпинский

О реальном социализме можно судить все-таки не так однозначно, видя внутреннюю противоречивость этого словосочетания, возможность диалектического движения стоящих за ним сторон. Что я имею в виду? Наша общественная реальность, как выяснилось, противоречит социализму, а социализм в его истинном смысле, как оказалось, по сути несовместим с данной реальностью. Именно эта несообразность и стала исходной точкой перестройки, формулой ее необходимости и ее мощным энергетическим зарядом. Уродливый гибрид должен быть разорван. Условием выживания и роста социализма стала перестройка реальности, точнее — ее диалектическое «снятие» с сохранением элементов достигнутого и перевод общества в новое качество.

С этой точки зрения нельзя утверждать, будто вся наша общественная структура в целом чужеродна перестройке и неотвратимо отторгает ее. А партия как политическое ядро той же

структуры? Ведь это в партии в конце концов сформировались силы, осознавшие необходимость «разрыва». Именно они разработали стратегию перемены, реализовали ее в последовательной серии документов и уже повели без преувеличения гигантскую всеохватывающую работу по «снятию» реальности ради высвобождения социализма. Это фактическое обстоятельство и собрало нас здесь, объективно переместив из положения молчащих оппозиционеров в положение говорящих участников процесса. И мы должны ценить труд товарищей и воздавать им должное. Отсюда же определилась и наша роль в перестройке, поскольку среди политиков, как, впрочем, и в других слоях общества, всегда находятся люди, желающие остановиться на полпути или даже в самом его начале.

А. Баткин

Вопросы, которые ставят выступающие, теоретически бездонны, но у нас, в каком-то смысле, нет выбора. От ныне существующего положения двигаться, трезво оценивая реальную ситуацию, можно только в сторону предполагаемого, нигде не проявленного «истинного социализма». В суждениях идеалистов, о которых здесь с оправданной горечью и сомнением говорила Л. Сараскина, есть все же вполне практическая основа: ни в каком другом направлении вести просветительскую работу просто нельзя.

А ее необходимо вести. Я профессионал в узкой области обществознания. Но сегодня все мы стали профессионалами — профессионалами перестройки нашего общества. Здесь каждый сам себе профессионал. Нас зовут на просветительскую работу, и я, поддерживая этот призыв, спрашиваю: где же формы этой работы? Их нет. Много ли у нас вообще думающих, честных людей? Резервы немалые, но как их обозреть? Нет институциональных каналов для этого, нет механизмов поиска, еще нет необходимого доверия к открыто звучащему слову. Просветительская работа без всего этого невозможна; эти условия

мы обязаны сформулировать и поставить перед руководством страны.

Да, личный труд и кооперативы не получают простора, пока они связаны с капризом того или иного чиновника. И все же появилась альтернатива всей сфере административного снабжения. А есть ли такая альтернатива государственным структурам в сфере умственного труда, просвещения, духовной работы? Альтернатива назрела. Я называю ее «параллельными структурами». И нужно настаивать на бесспорном праве создания вольных самодельных общественных организаций типа научных ассоциаций, художественных сообществ, небольших журналов, кооперативных издательств.

Чиновники размахивают жупелом «плюрализма». Но мы все понимаем, что без фактического плюрализма ни одно современное общество никогда не существовало, так же как никакая экономика не существовала и не может существовать без рынка. Запрещенный рынок становится «черным рынком»; видимо, бывает и «черный плюрализм». Но сегодня без открытого культурного разнообразия нельзя и заикаться о построении **европейского социалистического общества** более высокой ступени, нежели **европейский капитализм!** Такое общество должно не отменять плюрализм, возникший на капиталистической основе, а расширить его, углубить сферу демократического разнообразия в культуре и обществе. Это и есть социалистический плюрализм.

Нам остро необходимы независимые газеты и журналы, которые не были бы ведомственными органами, а выпускались бы группами журналистов, писателей, всех желающих и способных это делать. Что тут страшного? Не рухнула же Советская власть в 20-е годы от независимых изданий, — не рухнет и теперь, на 71-м году своего существования. Мы обязаны добиваться создания параллельных структур в разных областях научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Почему, например, любой теоретический семинар или музыкальная школа должны быть при ком-то?! Стидно сказать, у нас вообще нет введомственных форм интеллек-

туальной деятельности так же, как у нас нет сугубо общественных форм хозяйственной деятельности. Создания тех и других надо добиваться.

Мы перевернули классическое марксистское соотношение политики и экономики. Передав все средства производства в руки государства — а не общества — и создав аппарат, завладевший этим государством, мы сделали Аппарат вершителем собственных судеб, что и пожинаем сегодня. Вот почему пора куда последовательней и радикальней думать о **политической перестройке**, о возвращении власти от аппарата к самому обществу. Нужны первые шаги. Эти первые шаги предполагают, что гласность из опасного редкого зверя будет превращаться в нормальное публичное и печатное высказывание личного мнения. Это мнение может быть запрещено только в том случае, если оно будет содержать призывы к насилию или оскорблять общественную мораль.

А пока ничего этого нет, у нас нет и механизма самозащиты перестройки и отсюда — естественный страх, что все могут прикрыть в одну ночь. Да и соблазн такой у некоторых налицо...

Я испытываю в отношении перестройки нечто вроде мрачного оптимизма. Отчего мрачного — никому объяснять не надо, а для оптимизма основание только одно: реальность глубочайшего кризиса, переживаемого нашей страной, и отсутствие на всех уровнях, включая высший, каких-либо альтернатив курсу М. Горбачева. Но идти этим курсом, значит для интеллектуала бороться за **перестройку перестройки**, за непрерывное развитие ее концепции, ее деловых структур и методов, раздвижение ее пределов. По мере втягивания в нее новых, массовых сил перестройка будет наполняться новым содержанием. Новые силы придут в политику с новыми позициями, новыми идеями, которые часто не вызовут у нас никакого восторга. Достаточно вспомнить о черносотенных лозунгах «Памяти», где мы столкнулись с привнесением в перестройку чего-то незапланированного, чуждого и даже страшного.

Но как иначе? Даже самая начальная

степень открытости общества неминуемо стократно активизирует, выводит на поверхность **всекие** интересы и тенденции. Если бы таковые были только отрядными, мы давно жили бы в идиллической Аркадии... и не было бы нужды в перестройке. Меня не пугает, что гной выходит наружу. Обывательской озлобленности и чиновной татарщине должен быть противопоставлен столь же открытый, а не огосударственный отпор, организованный общественностью. Этим путем придется идти вперед. Надо внести в перестройку всю разногласицу идей и взглядов народа. Их диалог, их откровенную борьбу. Борьбу не только с «инерцией внутри нас», но и с мощной социальной реакцией. Важнее всего позаботиться о демократических правовых способах и процедурах такой борьбы мнений, интересов, целей разных слоев и групп нашего, к счастью, не монолитного, то есть не воображаемого, а действительно живого общества.

Опасней всего, что подобные способы и процедуры пока не выработаны. Никаких форм перестройки, кроме аппаратных, в общем пока нет. Новый аппарат не может **сам же** понизить, так сказать, уровень инертности нашего существования — как Мюнхгаузен не мог приподнять себя за волосы. Вот квадратура круга: как научить управляющих управлять хорошо, то есть **управлять меньше!** То есть дать простор демократическому **самоуправлению** во всех сферах жизни. Это, разумеется, невозможно без одновременного ограничения власти аппарата в экономике, культуре и так далее. Только так приблизится осуществление формулы М. Горбачева: «большее социализма». На этом пути нас постоянно ожидают совершенно непредсказуемые повороты, трудности, усилия, события поразительной напряженности и накала. По-моему, это уже начавшиеся, то внезапно и сильно ободоряющие, то страшно разочаровывающие события. И если мыслить масштабами настоящей эпохи, историческими масштабами, а не масштабами недели или даже года, — они не дают оснований ни для эйфории, ни для безнадежности. То ли еще будет. Запасемся бесконечной выдержкой и настойчивостью.

Если это революция, то планировать ее невозможно. Революцию задумывают — и начинают. Назад пути нет.

Может ли, однако, обернуться все иначе? Будем трезвыми: может! Но в таком случае наша страна перестанет быть великой мировой державой. Так же, как в детской смертности мы выпали на 52 место в мире, оказавшись среди неразвитых стран, так и по всем остальным параметрам в новую эпоху, эпоху компьютерной революции, сверхпроводимости при нормальных температурах мы станем **отсталой страной!** Это мы обязаны объяснять людям: без перестройки мы навсегда потеряем статус мировой державы даже и в военном отношении, и во внешнеполитическом, и во внешнеэкономическом, и в культурном — так же и там, где уже мало что осталось терять. А при том,

что мы все равно окажемся в нарастающей степени встроенными в современный мир, который не станет нас ждать, это грозит ужасающими потрясениями: и нам, и всему миру!

Мы прожили лет пятнадцать в условиях, когда время как бы остановилось. Что ж, безвременье кончилось. А дальше будет происходить история, со всеми ее драматическими трудностями.

Я думаю, перестройка еще не началась. Мы переживаем сейчас паузу между вступлением к перестройке, смятением умов и глубинными переменами в огромной стране, где мало что сдвинулось с места. Возможно ли нажатием кнопки сдвинуть с места историю, укорененную в веках?

Мы находимся в самом начале долгой великой и мучительной эпохи. В этом смысле я оптимист...

ВОСПИТАНИЕ НЕНАВИСТИ

Мы с интересом прочли статью Людмилы Сараскиной («Век XX и мир», № 5/87) о детских играх в Советском Союзе и рады предложить вам статью о детских играх в войну в Соединенных Штатах. Надеемся, что она послужит продолжением диалога, в котором участвуют все, кому небезразлично благополучие детей в наших странах.

Нэнси КАРЛСОН-ПЕЙДЖ,
Диана ЛЕВИН

ИГРЫ В ВОЙНУ, СТАРЫЕ И НОВЫЕ

С давних пор дети играют в войну. Игрушечные солдатики были найдены в некоторых египетских захоронениях, на стенах других были изображения детских игр в войну. В своей работе «Значение игры» (1987) Бруно Бетлхейм анализирует функции игры в войну на протяжении нескольких веков. Наверное, все это время взрослые пытались понять: что же значит эта игра для их детей? Почему она им необходима, чему она учит, нужно ли ее запрещать?

Но за последние годы военные игры (здесь мы понимаем под этим термином игры с ненастоящим оружием или те, в которых предполагается наличие «своих» и «чужих», или игры в «сверхгероев») стали проблемой, находящейся в центре внимания прессы, родителей и учителей. В США прошли конференции на эту тему, были организованы кампании бойкота игрушечного оружия. Откуда же такая озабоченность?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, мы обратились в первую очередь к тем, кто ближе всего к детям, — к родителям и

учителям. Были распространены анкеты и вопросники, с помощью которых мы надеялись получить информацию о том, как обстоят дела сегодня. На наши вопросы ответили более 100 родителей и 50 педагогов, работавших с детьми младшего возраста.

Большинство из них выразили свою озабоченность преобладанием военных игр в мире детей, причем качественные изменения, по их мнению, произошли в течение нескольких последних лет. Многие отмечают примитивный характер этих игр: многократные повторения какого-то одного простого действия, зачастую повторяющего некие моменты телепрограммы. Дети подражают героям таких телесериалов, как «Настоящий мужчина» и «Джи-Ай Джо» («Рядовой Джо»). При этом вымысел и реальность сливаются в их сознании.

Многие из опрошенных выражали озабоченность ростом агрессивности и насилий в детских играх. Они описывают случаи неспровоцированной агрессии. Дети и родители в один голос говорят, что насилие распространилось и на другие сферы жизни детей: все, что попадает к ним в руки, воспринимается как оружие.

Отмечается стремление детей заполучить игрушечные модели предметов, которые они видели в телефильмах, воспевающих насилие.

Многие учителя жаловались на то, что подобные игры становится невозможно

запретить. Те из них, кто раньше просто не разрешал детям играть в подобные игры в школе, оказались просто бессильны. Другие, пытающиеся регулировать поведение детей, не всегда могут контролировать ситуацию. Многие роди-

Фото Лори ГРАЙМС, США

тели и учителя говорят о полной невозможности противопоставить что-либо влиянию внешнего мира на ребенка. У многих это вызывает гнев против ребенка. Большинство опрошенных пытаются найти выход и задают вопрос: что же нам делать?

ИСТОЧНИКИ ОЗАБОЧЕННОСТИ

Всегда трудно докопаться до истинных причин явления. Не упрощая проблему, причины ее нельзя свести к какому-то одному явлению. Но тем не менее нельзя не отметить, что рост агрессивности детских игр совпал во времени с одним явлением: в последнее время резко изменилось положение в индустрии игрушек, характер детских телепередач и отношения между телевидением и индустрией игрушек. В результате контроль за детскими телепрограммами со стороны Федеральной комиссии по коммуникациям (ФКК) во время правления администрации Рейгана значительно ослаб, и телевидение установило контакты с индустрией, до недавнего времени строго запрещавшиеся.

За последние шесть лет ФКК отменила действие ряда ограничений, призванных обеспечить высокое качество программ для детей. Одно из наиболее важных ограничений подобного рода касалось отношения между телепрограммами и коммерческими изделиями. В 1969 году ФКК запретила телепрограммы на базе коммерческих изделий, указав, что телевидение не должно ориентироваться на продукцию. Это положение позволяло ограничивать долю рекламных кадров в телепрограммах на единицу времени; оно действовало с 1969 по 1984 год. Однако в 1984 году ФКК объявила, что телекомпания не обязана ограничивать демонстрацию коммерческих фильмов. Это открыло дорогу новым формам сотрудничества телевидения с индустрией развлечений; немедленно началось совместное создание телепрограмм на основе имеющихся в продаже товаров (их называют «рекламный ролик длиной на всю программу»), где в разных ситуациях и ракурсах демонстрируется какая-то конкретная игрушка или серия игрушек. В 1985 году ФКК приняла постановление, разрешающее детские телепрограм-

мы коммерческой направленности, официально узаконив тем самым подобные передачи.

Действия ФКК отражают ее философию, согласно которой наилучшим барометром общественных интересов является рынок, а не государственные установления. Телекомпании и производители игрушек полностью «за»: их дело давать ходовой товар, и ответственности они ни за что не несут.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕМЕН

Последствия отмены ограничений не заставили себя долго ждать. Компании, производящие игрушки, стали финансировать выпуск мультфильмов на основе своей продукции. К декабрю 1985 года десять самых популярных видов игрушек постоянно демонстрировались в «специальных» программах, созданных «под них». Более того, новые программы оказались буквально перенасыщены насилием; дух мультфильмов, прославляющих насилие, возросла с одного до 43 часов экранного времени в неделю всего за пять лет. Неудивительно, что из двадцати самых популярных игрушек к декабрю 1986 года одиннадцать были известны детям по мультфильмам, воспевавшим насилие.

Статистика показывает, что за этот же период резко возросла продажа игрушечного оружия или кукол, изображающих героев подобных мультфильмов.

Точные данные здесь привести трудно, так как эти игрушки могут относиться к разным отраслям производства, но большинство исследователей сходятся на том, что с 1982 по 1986 год продажа подобных игрушек возросла примерно на 500—700 процентов. В 1985 году доход от их продажи составил более миллиарда долларов, и, если ситуация не изменится, в 1988 году он составит более двух миллиардов.

Кроме производства и продажи игрушек, продаются еще и лицензии на изображения героев этих мультфильмов на одежде, на салфетках, на зубных щетках и т. д.

Суммируя все сказанное, можно сделать вывод, что за последние шесть лет резко изменился характер детских телепередач, игрушек и окружающих их

образов. В это же время растет озабоченность родителей, педагогов и прессы новым стилем детских игр. Связаны ли эти явления? Возможно, на этот вопрос поможет ответить теория развития ребенка и его политической социализации.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ДЕТЕЙ

Оценки, дававшиеся взрослыми этим играм, распадаются в целом на две большие группы, которые мы можем условно назвать воздействием на социально-политическое самоопределение. Говоря о воздействии этих игр на развитие ребенка, обычно указывают, что оно происходит именно через игру; именно игра обеспечивает социальное, эмоциональное и интеллектуальное развитие детей. Через игру ребенок познает мир соответственно уровню собственного развития. Игра показывает нам интересы ребенка; если они играют в войну, значит, это отвечает их внутренним потребностям. Подобные игры, например, могут помочь детям удовлетворить свою потребность во власти над окружающими, праве командовать и доказывать свою компетентность. Эти игры позволяют провести четкую границу между белым и черным, «сво-

им» и «чужим» и проявить гнев и ярость, которые в обычной жизни они обязаны сдерживать в себе и давить в зародыше. Для этих целей военные игры подходят как нельзя лучше. Это отчасти объясняет привлекательность этих игр для детей.

И, наконец, игры в войну переносят детей в мир вымысла, где все не настоящее, а «понарошке», и насилие тоже не настоящее. Поэтому необходимо различать разницу в восприятии насилия детьми и взрослыми, которые относятся к этому совершенно иначе.

Сторонники этого подхода считают, что игры в войну интересны и полезны детям, и следовательно, их нужно разрешить.

Давайте попробуем с этой точки зрения рассмотреть сложившуюся ситуацию. Отвечают ли игры в войну потребностям детей? Способствуют ли они их развитию? Теоретики, оправдывающие военные игры, проводят четкую границу между имитацией и игрой. В игре ребенок действует творчески, виденное ранее преобразуется им в зависимости от индивидуальной фантазии, личного опыта и потребности. Имитация не требует ни фантазии, ни предварительного опыта:

ФРГ. Свыше 230 тысяч детских писем со всех концов земного шара поступили в адрес антивоенной общественной организации «Птицы мира» в Гамбурге.

На снимке: активисты организации «Птицы мира».

Телефото АП — ТАСС

ребенок просто повторяет то, что он увидел. Если ребенок, играя в «Настоящего мужчину» и «Скелетора» (врага «Настоящего мужчины» по сюжету фильма), просто расставляет куклы, стреляет и кричит: «Настоящий» убил «Скелетора», — это не игра, это просто имитация. Но если ребенок строит из кубиков убежища, в которых герои могут спрятаться, или изобретает оружие для разрушения этих убежищ, — это уже игра.

Частые жалобы взрослых на то, что дети часто повторяют какое-то одно действие, говорят о том, что это не игра, а скорее имитация. Игрушки-герои телепрограмм обычно могут использоваться

только для узких целей, и с их помощью дети обычно имитируют те моменты телепередач, которые отмечены самым явным насилием. Раньше мы опасались, что телевизор будет отвлекать детей от игр; теперь приходится признать, что даже сами игры неразрывно связаны с телевидением. Игры детей редко отличаются богатством сюжета, поэтому военные игры не могут служить развитию детей или способствовать осмыслению ими своего опыта. И если имитация занимает место игры, как можно предположить, судя по имеющимся данным, то у сторонников первой точки зрения есть все основания для опасений.

Военным игрушкам — бойкот

Дорогие друзья,

Этим письмом мы приглашаем вас присоединиться к «Международному бойкоту военных игрушек», если вы еще не успели этого сделать. Бойкот особенно широко развернулся в США, Канаде и Австралии, а также в Англии и других европейских странах. Популярность игрушечного оружия возросла во многом благодаря политике многонациональных корпораций с центром в Соединенных Штатах, не случайно в США уже сейчас они продаются практически в неограниченных количествах, а во многих других странах товарооборот неуклонно возрастает.

В более чем в пятидесяти странах мира сейчас разрешены тридцатиминутные телепередачи, рекламирующие игрушечное оружие. Для этой цели используются высококачественные мультфильмы или игровые короткометражные фильмы.

Во многих странах промышленные лобби-группы смогли добиться от правительств разрешения на то, чтобы влиять на подсознание детей в интересах своих компаний. Для этих целей используются мультфильмы, сюжеты которых основаны на неприкрытом насилии.

Бросается в глаза тот факт, что в большинстве подобных фильмов всякие действия, основанные на наси-

лии, вызывают однозначное одобрение их создателей.

Из фильма в фильм настойчиво проводится идея, что насилие — единственное средство разрешения любых конфликтов. И хотя, возможно, у этих фильмов есть какие-то достоинства, разрешение конфликтов с помощью насилия всегда считается там необходимым, правильным и патристичным способом.

Многочисленные данные научных исследований показывают, что подобные программы, игрушки и даже мультфильмы, значительно уступающие по количеству сцен насилия тем, которые сегодня заполнили экраны, уже оказывают отрицательное воздействие на психику нормального ребенка. Такие исследования проводились в США, Англии, Нидерландах, Австралии и Ливане.

В последнее время несколько компаний, выпускающие игрушки, в том числе и два абсолютных лидера в этой области — «Мэттл» и «Касбро», создали новинку; они создали оружие, с помощью которого можно стрелять в героев телеэкрана во время передачи.

Подсоединенный к ружью компьютер позволит точно определить, «убил» ли ребенок врага или враг «убил» его. Вот уж действительно Мэттл готовит Солдат Будущего.

Сторонники анализа воздействия игр в войну на детей с точки зрения их социально-политического самоопределения делают упор на социальные и политические последствия подобного увлечения. Они утверждают, что подобные игры учат детей тому, что проблемы можно разрешить с помощью насилия, развивают авторитарность, навязывают стереотип отношений между полами, заставляют ориентироваться на оружие и делают войны привлекательными. Поскольку сторонники этой точки зрения считают подобную ориентацию нежелательной, они выступают за запрещение военных игр и игрушек. Если встать на их пози-

цию, основания для беспокойства станут еще более очевидными. Конечно, детский мир не совпадает с реальным миром взрослых, но исследования показывают, что основы политических предпочтений закладываются в детстве. Идеи формируются под влиянием политического климата в обществе, но именно в игре. Ориентация телевидения и индустрии развлечений обеспечивает детским играм однозначный политический фон: «враги» всегда не похожи на «своих», у них иностранный акцент, и их злобность не имеет пределов; «свои» (обычно это американцы) и весь прочий мир всегда под смертельной угрозой

В США и других странах сейчас можно увидеть тридцать девять различных многосерийных мультфильмов с сюжетом, основанным на войне. Каждый из них призван создать рекламу какой-то одной конкретной игрушке. Большинству компаний удалось добиться разрешения на демонстрацию таких роликов по телевидению. Даже государственные телекомпании начали выпускать подобные мультфильмы; «ФР-3» во Франции совместно с японской «НХК» подготовила переполненный сценами насилия мультфильм «Потерянные золотые города», по сюжету которого дети постоянно с нетерпением ждут войны. Война в этом фильме является единственным средством достижения мира. Названия многих этих фильмов уже известны по всему миру. Все они учат нас ненависти, развивают готовность ответить насилием на насилие и вырабатывают у детей философию война.

Мы надеемся, что вы присоединитесь к «Международному бойкоту военных игрушек». Мы надеемся, что информацию о нашей деятельности вы поместите в своих газетах, журналах, брошюрах и т. д.; донесете до прихожан вашей церкви и до учащихся ваших школ. Мы надеемся, что вы окажете давление в этой связи на свое собственное правительство. Мы надеемся, что нам удастся убедить

правительства запретить использовать телевидение для рекламы игрушечного оружия, а в идеале запретить рекламу подобных игрушек вообще.

Благодаря действиям «Международного бойкота военных игрушек» в США уже разрабатывается закон, запрещающий использовать телепередачи для детей в целях рекламы. В соответствии с этим законом через каждые три-четыре часа демонстрации фильмов для детей компании обязаны будут включать тридцатисекундную заставку, предупреждающую детей и взрослых о том, какие опасности несет игра с компонентами насилия. До 1984 года в США действовало законодательство, запрещающее телерекламу игрушек. Администрация Рейгана отменила эти ограничения, и конгресс пока не может ничего противопоставить ее решению. Еще большее возмущение вызывает тот факт, что этому дурному примеру США последовали многие из так называемых демократических стран и тоже позволили превратить свои телепередачи в средство пропаганды войны.

Просим вас откликнуться как можно скорее. Мы никогда не добьемся мира среди взрослых, если мы будем учить своих детей воевать.

Искренне ваш
Томас РАДЕКИ, США.

и нуждаются в оружии как средстве защиты; конфликты разрешаются только с помощью насилия, причем «свой» всегда побеждает без особых потерь.

Раньше, когда дети сами создавали сюжеты своих игр (как, например, при игре в казаки-разбойники), они обходились ограниченным набором игрушек, и их игры, как минимум некоторые из них, все же были развивающими. Такие игры предполагали распределение ролей в команде, разнообразное использование игрушек, возникновение и разрешение конфликтов и т. д.

Но сегодня фантазия детей направляется телевидением и игрушками, не оставляющими свободы выбора, — все ситуации кончаются насилием и пальбой. Детям не дают возможности самим разрабатывать сюжеты игры, выбирать себе роль и позицию; создается впечатление, что кто-то старательно манипулирует их сознанием, заставляя их многократно воспроизводить сцены насилия из телепередач. При этом выбор резко сужается, дети почти наверняка не видят ничего, кроме чисто военного аспекта игры, который к тому же совпадает с тем, что они видели по телевизору.

С учетом всего этого взрослым, видимо, следует пересмотреть свое отношение к подобным играм.

ЗАМЕТКИ ДЛЯ ПЕДАГОГОВ

Итак, как же нам реагировать на то, что дети играют в войну? Решения в каждом случае следует принимать исходя из реальной ситуации, а не выдавая желаемое за действительное. Это не всегда приятно, но увы... Итак, давайте посмотрим, что же мы можем сделать.

Многие педагоги пытаются запретить подобные игры. Но запреты не имеют успеха, и в один прекрасный день учителя понимают, что в сущности они просто учат детей лгать и изворачиваться; причем и у самих детей при этом возникает комплекс вины за свои игры.

Кроме того, запрещая детям играть в войну, учителя лишают самих себя возможности понять значение этих игр для детей; понять, действительно ли это голая имитация, или же эти игры содержат хоть какой-то творческий элемент.

И, наконец, самое главное: вставая на позицию запретов, учителя закрывают себе доступ к миру ребенка, они не могут уже влиять на его политическое самоопределение и бывают вынуждены уступить свое влияние телевидению и индустрии развлечений. Поэтому мы не считаем, что игры в войну следует запрещать, по крайней мере на данном этапе.

Храните игрушку незаряженной

Спешим вас напугать — в Москве началась продажа пистолетов. Продаются пистолеты (а также автоматы, тир и прочее) в магазине «Зенит» в Сокольниках. Стоит одна штука недорого — всего 5 рублей 30 копеек. А выпускает пистолеты — естественно! — Тульский оружейный завод.

Еще не испугались? Тогда давайте прочитаем вместе инструкцию.

Так «Внимание! Будьте осторожны во время стрельбы. Не направляйте пистолет на человека и животных. Не смотрите в ствол заряженной игрушки. Храните игрушку незаряженной».

Это в инструкции основное. Далее не менее интересно: «Пистолет

спортивный предназначен для игр детей (хорошенькие нам предлагают игры) в возрасте 7 лет и старше».

Как пользоваться оружием? Очень просто. Читаем «Для подготовки к стрельбе зарядите пистолет пластмассовыми пулями (интересно, почему же не написали пластиковыми?) в количестве 8 штук, помещая каждую в барабан при его вращении. Вздейте затвор. Пистолет к выстрелу готов. Для производства выстрела нажмите на спусковой крючок».

А если потеряются пули? И это не страшно. В инструкции сказано, что «в комплект входят пули в количестве 25 штук».

Честно говоря, не знаю, какими мыслями были обуяны создатели

Другой распространенный подход — не возражать против игр, но и не поощрять их. Такой подход не развивает в детях чувства вины и не толкает их на ложь, но при этом учителя опять лишают себя возможности влиять на характер и на качество игры. Игра при этом может отвечать потребностям ребенка, а может, и нет. И политическое самоопределение детей остается неподвластным педагогам. Таким образом, подобный подход тоже может вызывать возмущения.

Остается последний вариант, который тоже вызывает многочисленные возражения у многих педагогов (включая авторов данной работы), а именно активное участие в детских играх в войну, чтобы можно было влиять на их качество, во-первых, и понять их природу, во-вторых. Это не означает, что при таком подходе в играх принимается и дозволяется все, — необходимы определенные ограничения. Преимущества этого подхода заключаются в том, что культура телепрограмм подвергается воздействию педагога, игра творчески переосмысливается детьми с его помощью. Это — и только это — позволяет активно воздействовать на игру, почти ненавязчиво подталкивать детей к определенным действиям и высказываниям и с помощью игры

познавать внутренний мир ребенка. Таким образом детям можно помочь расширить рамки игры и показать, что проблемы могут решаться не только с помощью насилия, но и другими методами.

Мы считаем этот подход единственно возможным для всех, у кого характер детских развлечений вызывает сегодня озабоченность. Конечно, у него есть свои недостатки — он добавляет нагрузки нашим и без того перегруженным учителям и не затрагивает вопроса о той социально-политической атмосфере, в которой воспитываются наши дети.

ВЫВОДЫ

Правительства ряда стран, таких, как, например, Швеция, Финляндия, ФРГ и другие, внесли свой вклад в решение этой проблемы и ввели обязательные ограничения и рекомендации для телекомпаний и промышленности.

Чтобы добиться изменений к лучшему в США хотя бы в долгосрочной перспективе, нужно, чтобы общественность страны обратила большее внимание на юридическую сторону этого дела. В ядерную эпоху, как никогда прежде, остро встает вопрос: какое воздействие общество оказывает на игры детей, какие ценности мы можем им внушить?

этой далеко не безопасной игрушки, но только не заботой о воспитании в детях гуманных идей. Мы принесли пистолет в редакцию и испытали его.

Во-первых, точно в цель пули не летят, а это уже представляет опасность. Во-вторых, попытались выяснить его «убойную» силу. Результат потрясающий — с расстояния трех метров пуля (жестко-пластмассовая) пробивает лист плотной бумаги и пролетает еще метра два-три. Если сложить «во-первых» и «во-вторых», то можно представить реальную угрозу данной «игрушки». Нетрудно догадаться, что с началом распространения в Москве новинки тульских оружейников может значительно возрасти количество детей с глазами травмами. Да и на ногах, как

мы смогли убедиться, остаются значительного размера сияйки.

А кошки, птички, собачки — им теперь куда деваться? Забьют (точнее, расстреляют) их теперь наши дети.

Вы еще не купили своему сыну «замечательную игрушку»? У вас здоровые дети?

Тогда спешите в «Зенит». Пистолет этот там, между прочим, расходуется с космической скоростью.

Ну что, постреляем? Или все-таки подумаем, как побыстрее прекратить продажу опасного предмета? А то ведь и до беды недалеко. Что думаю по этому поводу наши читатели?

(Из газеты «Московский комсомолец»
за 17 октября 1987 г.)

Во все времена, в эпохи просвещения и варварства, в долгие годы и десятилетия войн и походов и в краткие мгновения непрочных перемирий, хранило человечество заветную мечту о вечном и всеобщем мире. Мечта эта была, как «свет во тьме», и тысячелетия раздоров и битв не смогли «объять его».

Сегодня мир пытается воплотить эту мечту в действительность. Не стоит обольщаться: мы только в самом начале тяжелого пути, мы только лишь подошли в своем сознании к той непреложной истине, что «нет ни эльфина, ни нудея», а есть — прежде всего и в основе всего — общечеловеческие ценности (такие, как сама жизнь), равным образом важные для каждого и для всех. Мы с трудом еще отказываемся от своих эгоистических устремлений, от пусть приятной для самолюбия, но иллюзорной уверенности в монополии нашей на истину.

Мы — в начале пути, и потому так важно обращение к опыту тех традиций в культуре, в духовном нашем прошлом, которые ставили уже эти «проклятые», вечные вопросы бытия человеческого, совершали роковые ошибки и великие открытия.

Таково в нашей отечественной культуре наследие идеалистической русской философской мысли, которое, по свидетельству западногерманского исследователя М. Хагемейстера, «грамота за семью печатями», «сокровище», практически недоступное западному читателю. И об этом можно только сожалеть. Ведь именно русская философия, отвергнув отвлеченные, абстрактные формулы и системы, сосредоточившая свои поиски на проблеме нравственного бытия человека, его отношения к Богу, его исторического призвания на этой земле, накрепко связавшая дарованную человечеству его античным «детством» мысль о нераздельности Добра, Истины и Красоты с иной триадой — Вера, Надежда, Любовь, — так необходима нам в наших сегодняшних исканиях.

РУССКАЯ

Алексей ЛОСЕВ

I.

Осуществляется ли познание только в русле мышления — вопрос непростой. Стержневое направление современной философии как будто не дает оснований для подобных сомнений. В то же время накапливается все больше оснований привлекать и учитывать не-логические и дологические слои познания и мышления. Разумеется, такой метод многим людям представляется неприемлемым; более того, за ним скрывается, по их мнению, наивное, мифологическое понимание философии. Но тут уж ничего не поделаешь, здесь мы и должны быть мифологами, потому что почти вся русская философия являет собой до-логическую, до-систематическую или, лучше сказать, сверх-логическую, сверх-систематическую картину философских течений и направлений.

В Германии создание завершенных сис-

* Печатается с некоторыми сокращениями. — Ред.

тем, в которых находят более или менее удачное отражение все основные проблемы человеческого Духа, удается не только главам школ, но и второстепенным мыслителям. Не так в России. В XIX столетии Россия произвела на свет целый ряд глубочайших мыслителей, которых по гениальности можно поставить рядом со светилами европейской философии. Однако никто из них не оставил после себя цельной, замкнутой философской системы, охватывающей своими логическими построениями всю проблему жизни и ее смысла. Поэтому тот, кто ценит в философии прежде всего систему, логическую отделанность, ясность диалектики, одним словом — научность, может без мучительных раздумий оставить русскую философию без внимания. Правда, в последнее время из-под пера русских университетских профессоров вышло несколько работ, которые трактуют (в основном на немецкий систематический лад) преимущественно проблемы теории познания и логики. Но осталь-

Долгое время и в нашей отечественной философской и исторической науке обращение к наследию русского идеализма было затруднено: здесь сказались догматическая привычка к категорическому делению на идеализм и материализм. Такое деление на «два лагеря»: Платона и Эпикура — действительно определяет ход развития философии, но не следует забывать, что «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм» (В. И. Ленин).

Публикуемая ниже статья Алексея Федоровича Лосева введет читателя в этот во многом неизвестный, необыкновенно богатый и разнообразный мир русской мысли. И без каких-либо преувеличений можно сказать: читателю предоставлена поистине уникальная возможность услышать голос не ученого—историка философии, а самостоятельного русского мыслителя, бережно хранящего и развивающего наследие отечественной философской мысли.

Лауреат Государственной премии СССР, профессор А. Ф. Лосев — старейший современный русский философ. В этом году культурная общественность страны отметит его 95-летний юбилей. Его жизнь, полностью отданная служению родной культуре, сила его духа, позволившая отстоять свою позицию, свое собственное мирозерцание (а ведь и его не обошло стороной лихолетье 30-х годов) и донести это знание до нас,— все это достойно преклонения и подражания.

Статья была написана в 1919 году на немецком языке для опубликования в Германии, но бесследно исчезла в хаосе войны. Сам Лосев считал ее безнадежно утраченной. Но в 1987 году из Марбургского университета (ФРГ) прибыл бесценный подарок к его юбилею — рукопись.

ФИЛОСОФИЯ

ная русская философия является насквозь интуитивным, можно даже сказать, мистическим творчеством, у которого нет времени, а вообще говоря, нет и охоты заниматься логическим оттачиванием мыслей.

Впервые философские интересы пробуждаются в России в XVIII веке, когда русский ум был затронут идеями французского Просвещения и одновременно идеями просвещенного абсолютизма. Однако яркая социально-публицистическая окраска этой философии помешала ей выразиться в виде спокойной и уравновешенной системы. В начале и в первой трети XIX века на смену французскому Просвещению у нас пришел немецкий идеализм. Однако чрезмерный пыл его русских приверженцев, а отчасти и политический гнет помешали его окончательному логическому оформлению и систематизации в качестве направления русской философии. В 40-е, 50-е и 60-е годы в качестве противников немецкого идеализма выступили славянофилы, ко-

торые сами во многих отношениях прошли школу немецкого идеализма. Но и славянофилы, сознательно взявшие на вооружение мистическое познание православной церкви, не могли оформить свои мысли в определенную систему. Помимо этого направления, в 40—80-х годах в России влиятельным было так называемое «западничество», которое, в противоположность славянофилам, не признавало за русской культурой никакой оригинальности и самобытности и призывало к полному культурному воссоединению с Западом в борьбе с традиционными основами русской мысли и русской жизни. Разумеется, и этому «западноевропейскому направлению», носившему исключительно публицистический характер, далеко было до построения философской системы, да и системы вообще. Пришедшее на смену материализму и западничеству чисто идеалистическое направление (с 80-х годов до нашего времени) благодаря широте поставленных задач и небывалой глубине и всеохватности его

философских откровений все еще бесконечно удалено от систематизации, если таковая вообще здесь возможна. Даже наиболее плодovitый философ этого направления — Владимир Соловьев (1853—1900), который посвятил свои всеобъемлющие работы основным вопросам философии, по выражению профессора Лопатина, «не оставил законченной философской системы, а скорее только план системы, ряд не всегда друг с другом согласующихся эскизов или особых приемов для разрешения отдельных проблем». Почти то же самое следует сказать о другом выдающемся представителе современной русской философии — князе Сергее Трубецком (1862—1905), друге Владимира Соловьева. Также и у него, по характеристике того же автора, мы находим «только общий план системы», однако этот «план» так глубок и интересен в философском отношении, так оригинально и удачно намечен, так глубоко продуман и тонко обоснован, что посвященные общим философским вопросам статьи князя С. Н. Трубецкого (капитальные его работы посвящены историко-философской проблематике) дают читателю очень много. Наконец, довольно широкой систематической проработкой поставленных проблем отличаются труды современных университетских профессоров, каковы, например, Н. Лосский, С. Франк, И. Лапшин, Г. Челпанов. Однако эти авторы взяли за правило ни в коем случае не выходить за границы чистой теории познания, логики и весьма умеренной онтологии и упрямо этому правилу следуют.

Большей широтой характеризуется мировоззрение Л. Лопатина и С. Алексеева (Аскольдова); однако и у этих мыслителей многие основные проблемы, как, например, религиозная, очерчиваются только в общем виде и слишком неопределенно.

Неблагоприятные условия для систематической разработки представления философских достижений в той или иной степени имели место во всех странах Европы. Однако только в России существует такая острая нехватка философских систем. Наверное, в этом есть глубокий смысл. Причина этого не только во внешних условиях, но скорее прежде всего во внутреннем строении русского философского мышления. В этой связи

представляется уместным привести здесь некоторые соображения относительно сущности русского мышления и русской философии.

Н. Бердяев следующим образом начинает изложение теории познания и метафизики А. Хомякова, наиболее известного и значительного представителя славянофильского направления в философии («А. С. Хомяков», 1912).

«Основатели славянофильства не оставили нам больших философских трактатов, не создали системы. Философия их осталась отрывочной, она передавалась нам лишь в нескольких статьях, полных глубокими интуициями. В этом было что-то providенциальное. Быть может, такая философия и не должна быть системой. Они преодолели германский идеализм и западную отвлеченную философию верой в то, что Духовная жизнь России рождает из своих недр высшее постижение сущего, высшую, органическую форму философствования. Первые славянофилы убеждены были, что Россия осталась верна цели и истине христианской церкви, и потому свободна от рационалистического расщепления духа. Русская философия должна быть продолжением философии святоотеческой. Первые интуиции этой философии родились в душе Киреевского. Хомяков же был самым сильным ее диалектиком».

Я привел здесь в качестве характеристики русской философии собственные слова Бердяева, одного из значительнейших представителей современного русского философского мышления, чтобы показать, что в наше время русская философская мысль сознает собственную сущность и что, как правило, эта мысль не ставит перед собой других задач, помимо тех, которые всегда соответствовали подлинной русской философии.

Несколько с другой точки зрения сущность русской философии характеризует Волжский («Из мира литературных исследований», 1906). Подчеркнув в полном соответствии с приведенной характеристикой Бердяева отсутствие завершенной философской системы в России и указав на Вл. Соловьева как на типичного и гениального представителя русского способа мышления, автор продолжает: «Русская литература, которая

бедна оригинальными философскими системами, тем не менее необычайно богата оригинальной, яркой и живой философией. Художественная литература — это настоящая русская философия. Значительные философские труды растворились в этой публицистике и, с точки зрения академической истории философии, затерялись в пестрой ткани социальной жизни и журнальной суеты».

Если мы теперь возьмемся кратко сформулировать общие формальные особенности русской философии, то можно выделить такие пункты:

1. Русской философии, в отличие от европейской, и более всего немецкой философии, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям и определениям, а только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности (*Lebens Dynamik*).

2. Русская философия неразрывно связана с действительной жизнью, поэтому она часто является в виде публицистики, которая берет начало в общем духе времени, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, со всеми его радостями и страданиями, со всем его порядком и хаосом.

Поэтому среди русских очень мало философов *par excellence*: они есть, они гениальны, но зачастую их приходится искать среди фельетонистов, литературных критиков и теоретиков отдельных партий.

3. В связи с этой «живостью» русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладом самобытной русской философии. В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме. И эти проблемы разрешаются здесь таким образом, что непредубежденный и све-

душный судья назовет эти решения не просто «литературными» или «художественными», но философскими и гениальными.

II

Процесс познания собственной сущности, отражающейся в современной русской философской литературе, распространяется не только на чисто формальную и внешнюю сторону. Современные представители русской мысли также и изнутри, с точки зрения содержания их философии устанавливают резкую границу между собой и европейской философией. В книге В. Эрнана «Г. С. Сковорода» (1912) мы находим следующую характеристику содержания самобытной русской философии, ее сущности.

Если рассматривать всю историю новой европейской философии в ее основных направлениях, отвлекаясь при этом от менее характерных путей ее развития (в этой связи Декарт и Кант несравнимо более характерны для новой философии, нежели, например, Беме и Баадер), то можно выделить три следующих характерных тенденции: рационализм, мезонизм, имперсонализм.

Ко времени возникновения новой философии разум, *ratio*, выдвинулся в качестве основного принципа всего миропонимания. В постоянной борьбе с мистицизмом средневековья новая философия оторвалась от темных, хаотических основ разума и сознания, от иррациональной, творческой, космической питающей почвы. В борьбе с тем же мистицизмом оторвалась она и от неба, от сверкающих вершин разума, которые высились в благословенной и умиротворенной небесной голубизне. Безвозвратно прошли времена поэтов-философов Платона и Данте. Вместо живой гармонии цельного неразделенного логоса и музыкального народного мифа в новой философии сформировалось понимание поэзии как чистого вымысла и развлекательности, понимание природы как нерелигиозного, механического целого. А где религия еще не утратила своего значения, там ее постарались рационализировать. Рационалистические доказательства бытия Божия, которые сегодня не удовлетворили бы семинаристов, казались достаточными таким

колоссальным интеллектам, как Декарт и Лейбниц. Это был рационализм. Он характерен почти для всей новой философии, не только для французского рационализма, но и для английского эмпиризма, поскольку здесь результаты опыта обрабатываются тем же *ratio*, который в картезианстве был направлен на врожденные качества. Также характерен рационализм и для пантеизма Спинозы, панлогизма Гегеля, для Канта и неокантианства, для всех многообразных форм позитивизма конца XIX века.

Вторая основная тенденция новой западноевропейской философии является необходимым следствием первой. Если разум лежит в основании всего, то ясно, что все, не укладывающееся в границы и схемы этого разума, отбрасывается как обуза и рассматривается только как чистый вымысел, субъективное человеческое построение. Таким образом весь мир становится бездушным и механическим, он превращается в субъективную деятельность души. Все роковые последствия рационализма можно выразить одним словом: меонизм (от греческого *mē-on*, не-сущее), вера в ничто.

Третья тенденция также является необходимым следствием первой. Богатство индивидуальной, живой личности непостижимо для рационализма, он сознательно отказывается от этого богатства. Он мыслит категориями разума, причем, в сущности, вещественными категориями. Именно эта «вещественность» со всем присущим ей механизмом и формализмом занимает господствующее положение во всех учениях новой философии, даже в учении о личности, которая превращается в простой пучок восприятий. Этот имперсонализм — также одна из основных тенденций новой философии.

Я никоим образом не настаиваю на том, что эта характеристика новой европейской философии является полной и точной. Можно найти другие, более характерные для наших целей черты. Также, если стремиться к полноте, то можно назвать не только эти три, но еще и другие основные тенденции новой философии. Но основной идее этой характеристики, как мне представляется, противопоставить нечего. И это становится особенно ясно, когда новую за-

падноевропейскую философию мы сравниваем с русской.

Основание западноевропейской философии — *ratio*. Русская философская мысль, развивавшаяся на основе греко-православных представлений, в свою очередь во многом заимствованных у античности, кладет в основание всего Логос. *Ratio* есть человеческое свойство и особенность; Логос метафизичен и божествен.

Если мы захотим, подводя итог сказанному, как можно короче охарактеризовать внешнюю и внутреннюю сущность самобытной русской философии, то можно это сделать следующей фразой. Русская самобытная философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio* и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом.

III.

Невозможно в короткой статье дать исчерпывающую характеристику учений русских философов. Мы можем привести только отдельные примеры.

Прежде всего нам хотелось бы рассмотреть одного русского философа XVIII века, жизнь и учение которого совершенно уклоняются от западноевропейской традиции и вводят нас в суть самобытной русской философии. Это Григорий Сковорода (1722—1794).

Г. С. Сковорода родился, жил и действовал в Малороссии, области, которая была тогда бедна в экономическом и культурном отношении. С посохом в руке он обошел многие страны Западной Европы, знал языки, изучал философию, был знатоком античной и патристической философии. По отзывам его друзей и учеников, это был исключительный человек. Он бродил по рынкам и ярмаркам и повсюду излагал свои одухотворенные учения; как истинный мудрец он углублялся во все мелочи и случайности человеческой жизни. Это был истинный Сократ на русской почве, и не меньше, чем греческий Сократ, он видел свою жизненную задачу в ду-

ховном рождении человека, в посвящении его в философию.

Основная идея философии Сквороды — антропологизм. Познание возможно только через человека. Человек — это микрокосм. Единственная истинная жизнь — человеческое сердце — есть инструмент этого познания. *Nosce te ipsum** — основание всей философии. «Кто может узнать план в земных и небесных пространственных материалах, прилепившихся к вечной своей симметрии, если прежде не мог его усмотреть в ничтожной плоти своей?» Человек в своем сердце должен найти последний критерий, основание познания и жизни. Больше их нигде искать.

«Брось тень; спеши к истине. Оставь физические сказки беззубым младенцам».

В противовес Просвещению и рационализму XVIII века Скворода выставляет свой антропологизм, свое учение о сердце. Продолжая линию великих отцов церкви, он мечтает создать свою особую католическую, то есть общую и универсальную науку, которая должна повести людей к счастью и заложить основание как теоретической, так и практической философии.

Вторая основная идея системы Сквороды — это мистический символизм. Это очень важная черта и одна из оригинальнейших особенностей его философии. Более чем за сто лет до возникновения современного художественно-философского символизма Скворода, исходя из своего учения об антропологическом критерии высшей истины, проповедовал следующее:

«Истина остроуму мудрых не издали болванела так, как подлым умам, но ясно, как в зеркале, представлялася, а они, увидев живо живой ее образ, уподобили оную различным тленным фигурам. Ни одни краски не изъясняют розу, лилию, нарцисса столь живо, сколько благолепно у них образует невидимую Божию истину, тень небесных и земных образов». Рассудок создает только схемы. Живую связь бытия и его скрытую сущность нельзя постичь с их помощью. Только в образах можно достичь истинного познания. Первоначально символ занимал в религии ис-

ключительно важное место, однако со временем люди утратили понимание скрытой сущности символа, держась за его внешнюю преходящую сторону. Скворода осуждает старый грешный земной глаз, которому чужды символы, который не видит истины.

Из антропологического символизма возникает у Сквороды проблема Библии. Библия для Сквороды — объект его любви, даже влюбленности. Существуют три мира. Один огромный, бесконечный — макрокосм. Другой маленький, человеческий — микрокосм. И третий, символический — Библия. Символы Библии «открывают в нашем грубом практическом разуме второй разум, тонкий, созерцательный, окрыленный, глядящий чистым и светлым оком голубицы. Библия поэтому вечно-зеленеющее плодоносящее дерево. И плоды этого дерева — тайно образующие символы».

Чему тогда учит эта Библия, это символическое и антропологическое самопознание? Прежде всего она учит тому, что в человеке два сердца, смертное и вечное, нечистое и чистое. Человек, проникающий в глубины этой двойственной природы и охваченный стремлением узреть свою истинную идею Бога, ощущает всю силу божественного Эроса. Это отчасти платоническое, отчасти библейское учение Сквороды об Эросе и возрождении души также является значительнейшим творческим элементом его философии.

В своем учении о Боге и мире Скворода не расстается с избранной им точкой зрения антропологизма. Он познает мир и Бога как человек — посредством людей на путях самопознания. Как у человека два сердца, так и у мира две сущности, видимая и невидимая.

В этом разделении двух сущностей Скворода доходит до полного дуализма, так сказать, до дурного платонизма. Но этот онтологический дуализм преодолевается им на внутренних путях с помощью его религиозного монизма и мистического учения о всеобщем воскресении. Человек воскреснет, воскреснет и мир.

Мистическая и практическая мораль Сквороды теснейшим и глубочайшим образом связана с его метафизикой и теологией. Воля и разум в их божественной глубине суть одно и то же, од-

* *Познай самого себя (лат.)*

нако в жизни они разорваны и мучительно стремятся к первоначальному единству. Воля могуча, однако слепа. Разум ясен, однако бессилён. Цель жизни состоит в том, чтобы вернуться в отчий дом, чтобы посредством разума уяснить, а посредством воли приблизиться к познанию истины.

Многие мысли западноевропейских философов были высказаны Сковородой задолго до них. Так, в своей педагогике он уже в 50-е годы XVIII века, то есть до Руссо, проповедовал принцип возврата к природе, и делал это не случайно, а в полном соответствии со своими теоретическими воззрениями. Первый в Европе он осудил искусственное разделение, которое французское Просвещение внесло в отношения природы и искусства.

«Не мешай только ей (природе), а если можешь, отвращай препятствия и будто дорогу ей очищай: воистину сама она чисто и удачно совершит... Яблони не учи родить яблока, уже сама натура ее научила... Учитель и врач несть учитель и врач, а только служитель природы единственных и истинных и врачебницы и учительницы».

Но что есть природа в человеке? Это его сердце. Также и здесь следует подчеркнуть гениальность Сковороды, преодолевшего многие ступени развития западноевропейской философии, не воспроизводя ее рационализма и других черт.

IV.

В первой части статьи мы выделили столкновение между *ratio* и Логосом как наиболее характерную черту русской философии. Само собой разумеется, всякий мыслитель переживает это столкновение по-своему, и вскоре мы обнаруживаем, что на первый план выступает то *ratio*, то Логос; то негативная сторона «разума» — абстрактный рационализм, то негативная сторона «слова» — лишенный принципов, темный, алогический мистицизм.

Неисчерпаемо-глубокие интуиции русского мышления, в недрах которого ведут борьбу православное восточно-христианское познание и новая западноевропейская философия, только начинают проявляться в учении Сковороды, хотя уже у него они своеобразны и велики.

Глубины этого познания, разумеется, не полностью выявились и до наших дней. Путь к ним теряется в бесконечной дали, которая простирается перед современным искателем истины. На пути познания глубин исконно русского мышления вслед за Сковородой мы встречаем славянофилов и Владимира Соловьева с целым рядом его талантливых учеников и друзей.

Славянофилы и Соловьев подходят к основной проблеме русской философии, к внутреннему подвигу, преодолению хаоса посредством Логоса с двух диаметрально противоположных позиций. Славянофилы рассматривали основную проблему русской философии в свете антитезы «Восток и Запад»; в своих религиозных, философских и историко-философских наблюдениях они не покидали пределов исконного русского духа и, дыша идеальным воздухом романтизированного барского поместья, не отделялись от родной, близкой им почвы. Славянофилы выросли на русской почве, они сотворены из русской земли, они наполнены основательным, непреклонным духом земли, они прочно связаны с землей, их нельзя от нее отделить, не повредив их существа. Владимир Соловьев и все его ученики-современники также близки к земле, они беспрекосно повинуются откровениям Матери земли. Однако в то время, как славянофилы уютно чувствовали себя в своих старинных барских усадьбах, в то время, как для них московский период русской истории являлся чуть ли не царством Божиим на земле, современная русская философская мысль утратила веру в этот уютный романтизм, в идеализацию русской старины. Соловьев и его ученики проникнуты апокалиптическими тревогами и надеждами, их издавна наполняет мистический страх конца, эсхатологические предчувствия роковых усилий и титаническое беспокойство за судьбу всего мира. Идиллический романтизм старины и апокалиптическое предчувствие конца — таковы начало и конец этого стержневого направления самобытной русской философии, с которым мы встречаемся в XIX столетии. До славянофилов, то есть до 40-х годов, самостоятельная русская философия не развивалась у нас по непрерывной линии. Только Сковорода был в XVIII ве-

ке, сам того не зная, провозвестником своеобразной русской философии, все остальное в России XVIII века было привозным и неорганичным. Органическое развитие прервалось еще задолго до того. Энергичные реформы, проведенные Петром Великим по западноевропейскому образцу, давно уже прервали органический путь развития старой московской религии и жизни. С этого времени русские воспринимают и поверхностно усваивают только чужое. Так, они лишь чрезвычайно поверхностно усвоили французскую философию XVIII века; мы не знаем ни одного сколько-нибудь заметного мыслителя этого направления. Также и русское вольтерьянство XVIII века, и русский мистицизм XIX представляли собой привозные, неорганические явления. Первой органически русской философией, не обособленной, как в XVIII веке философия Сквороды, а такой, что не только восприняла православный, христианский способ мышления, но и стала образцом для всей последующей русской философии, оказалась философия славянофилов.

Славянофилы произошли из того романтического движения, в котором немецкий народ осознал самого себя, они взяли на вооружение органический и исторический методы как необходимые методы всякой философии, особенно национальной. Славянофилы первыми выразили внутренний синтез русского народного духа и религиозного опыта восточной ортодоксии. Но в то же время и западную культуру они усвоили в полном объеме, прежде всего учения Шеллинга и Гегеля.

Разумеется, у нас нет возможности подробно рассмотреть учение славянофилов, однако необходимо сказать несколько слов о философии А. Хомякова, который вместе с И. Киреевским был основателем и главой славянофильства.

Теория познания Хомякова и Ивана Киреевского основывается на рассуждениях о единой, неразделенной духовной жизни. Иван Киреевский утверждал, что у западных народов «раздвоение в самом основном начале западного верования, из которого развилась сперва схоластическая философия внутри веры, потом реформация в вере, и, наконец, философия вне веры. Первые рациона-

листы были схоластики; их потомство называется гегельянцами».

Соответственно теория познания славянофилов исходит из критики гегелевской философии. Хомяков обнаружил не только основную ошибку гегелевской философии — отождествление живого бытия с понятием, но и предвидел роковые последствия, которые эта ошибка должна была повлечь за собой. Изумительно ясно и отчетливо он предсказал и сформулировал переход от гегелевского абстрактного идеализма к диалектическому материализму. Согласно Хомякову и Киреевскому, немецкий идеализм — это продукт протестантизма. Германия отделилась от живого организма церкви и утратила единство духовной жизни.

В противовес этим художничным теориям познания и онтологии Хомяков провозглашает общую соборную, то есть церковную теорию познания. Сам себя обосновывающий дух бессилен, он идет навстречу собственному разрушению, смерти. Разум и воля, находящиеся в моральном согласии с всеобъемлющим разумом, составляют основание всего. Хомяков видит истинный критерий познания в церковном общении, в любви.

Учение славянофилов и вообще русской философии о вере как истинном источнике и условии всякого отдельного знания также не имеет ничего общего с западными учениями о вере, об интеллектуальном созерцании, о здравом человеческом рассудке и о чувстве. Всем этим западным понятиям соответствует, говоря словами профессора Лопатина, в основном более ограниченное и специальное содержание. Так, например, интеллектуальное созерцание у Шеллинга совпадает просто с актом чистого самосознания, в котором наше Я возвышается над всем относительным и конечным и находит свою собственную абсолютную сущность, одновременно являющуюся внутренней действительностью всех других вещей. Далее, западные учения о вере делают большой упор на антагонизм, который существует между безошибочными откровениями, с одной стороны, и выводами абстрактного разума и эмпирического опыта — с другой. Такая точка зрения представлена, например, типичным для этого направления учением Якоби. Русские же философы видят в вере основание всей

философии, в ней синтезируются и примираются отдельные элементы знания, в том числе и чисто рациональные.

Такова эта теория познания целостного духа. Полное понимание — это «воссозидание, то есть обращение разумеемого во факт нашей собственной жизни». Воля — вот что действительно отделяет субъект от объекта, истину от лжи. «Свобода в положительном проявлении силы есть воля».

Воля так же ясно обнаруживается в творческой деятельности, как вера — в отображающей восприимчивости, а разум — в завершённом осознании. «Необходимость есть только чужая воля». Волящий свободный разум есть центр всего мировоззрения.

На основе своего общего учения о волящем разуме Хомяков пытается дать правильное понятие о Церкви. По высказываниям его друзей и учеников, как и по мнению современных исследователей, это было первое правильное определение Церкви в православной теологии. «Я признаю, подчиняюсь, покорюсь — стало быть я не верую». «Церковь не доктрина, не система и не учреждение. Церковь есть живой организм, организм истины и любви, или, точнее: истина и любовь, как организм». Мышление Хомякова было совершенно свободным и независимым; кажется, ни у какого другого русского не встретишь такой свободы мышления, какой обладал Хомяков.

«Церковь не авторитет, как не авторитет Бог, не авторитет Христос; ибо авторитет есть нечто для нас внешнее. Не авторитет, говорю я, а истина и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его». «Само христианство есть не что иное, как свобода во Христе... Я признаю церковь более свободную, чем протестанты; ибо протестанты признает в св. Писании авторитет непогрешимый и в то же время внешний человеку, тогда как Церковь в Писании признает свое собственное свидетельство и смотрит на него, как на внутренний факт своей собственной жизни. Итак, крайне несправедливо думать, что Церковь требует принужденного единства, или принужденного послушания; напротив, она гнушается того и другого: ибо в делах веры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушание есть смерть». Насколько глубоко и возвышенно это построение нового понятия Церкви, настолько же, однако, несправедливо отношение Хомякова к католицизму. Хомяков усматри-

вал в нем только рационалистический и юридический формализм и не углублялся в мистику католицизма и протестантизма, например, Якоба Беме. Поэтому многие стороны западного вероисповедания остались от него скрытыми, хотя многое, например несомненно наличный элемент рационализма, он ухватил и прочувствовал очень остро и полно.

Славянофилы рассматриваются в русской литературе в основном в качестве публицистов и социологов. Верная оценка славянофилам была дана только теперь, можно сказать, только в наши дни. Общественные воззрения критиков всегда имели в русской литературной критике огромное значение, сама литература брала на себя в русской мысли роль публицистики и философии. Возможно, что причины и оправдания этому явлению следует искать в общих стесненных обстоятельствах, в которых находилась литература до последнего времени. Но как бы то ни было, славянофилов часто считали реакционерами, в лучшем случае — консервативными публицистами. Философские основы мировоззрения славянофилов остались непонятными, да их тогда и не в состоянии были понять. Сегодня нам ясно, что история философии и социология славянофилов являются лишь завершением вышеупомянутого органического учения о едином духе, о Церкви, о соборной теории познания. История философии Хомякова представляет собой подразделение всех действующих в истории сил на два основных класса — иранство, то есть религия свободы и свободного духа, и кушитство, религия необходимости и подчинения земному началу. Наиболее ярко иранство выразилось на православном Востоке, кушитство — на католическом Западе. С нашей теперешней точки зрения во всем этом много наивного и некритического, однако во многих отдельных его рассуждениях чувствуется неопровержимая интуитивная достоверность, которая не может быть опровергнута средствами какой-либо науки. Такой же двойственный характер, то есть, с одной стороны, гениально-интуитивный, с другой — наивно-романтический, носит хомяковское учение о русском мессианстве. Однако эти учения имеют для нас второстепенное значение, хотя для самого Хомякова они представляли собой само средоточие его философии.

(Окончание следует)

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Алексей ПАНКИН

Начиная рецензию на книгу «Прорыв», соблазнительнее всего было бы умилиться: «Надо же, сумели! Преодолели идейные разногласия, различия в мировоззрениях и создали-таки общий труд!» Действительно, сам факт появления совместной работы советских и западных политических мыслителей — явление неординарное. Но погодим умилиться и зададимся вопросом: а почему таких совместных проектов не было раньше? В конце концов выживание в условиях накопления орудий сверхубийства — вопрос не столько классовый, сколько общечеловеческий. Именно здесь поле для нахождения согласия между учеными всегда было шире, чем по многим другим вопросам международным отношений. Кроме того, наличие серьезных разногласий отнюдь не обязательно является помехой для сотрудничества, хотя бы для сопоставления позиций — была бы добрая воля.

А вот ее-то как раз долгие годы и не было. Многие западные, прежде всего, конечно же, американские, ученые традиционно исходили из тоталитарной модели советского общества и априорно считали, что в Советском Союзе вообще не может быть ничего интересного в духовной сфере — не только в общественных науках, но и в культуре и искусстве.

Для советских же обществоведов участие в совместных с Западом проектах,

«Прорыв. Breakthrough. Становление нового мышления. Советские и западные ученые призывают к миру без войн» М «Прогресс», 1988. Книга вышла одновременно в СССР — на русском, в США и Канаде — на английском языках.

затрагивающих идеологические проблемы, было почти немислимым. Наша политическая наука, международные исследования до самого последнего времени сводились в основном к истолкованию высказываний руководства и позиций государства. Самостоятельные мысли проводились крайне осторожно, эзоповым языком. Дело не в том, что советские ученые не могли ни в чем прийти к согласию с западными, а в том, что было страшновато заявить об этом открыто.

Так что отсутствие сотрудничества порождалось не столько непреодолимыми разногласиями, сколько явлениями, не имевшими никакого отношения к поиску истины. И с этой точки зрения выход книги вполне можно рассматривать как очередную запоздалую победу здравого смысла.

Однако одно дело понимать, что сотрудничество в решении идейно-политических вопросов дело нормальное и необходимое, и совсем другое — собственно сотрудничать, живя в расколотом мире, в котором до сих пор приходится доказывать самые элементарные вещи. Одна из наиболее интересных, на мой взгляд, статей — «Как создавалась эта книга» — написана советским и американским членами редколлегии книги Еленой Лощенко и Крейгом Барнсом.

«Советские и американские участники программы, чьи жизненные пути, понимание проблем и национальные идеологии полностью отличались друг от друга, сели за стол переговоров. Нам предстояло понять, что мы должны быть не только терпимы друг к другу, но и проявить чуткость в полном смысле этого слова, — чтобы не поставить собеседника в неловкое положение, не

заставлять его нервничать или даже беспокоиться о мнении своих руководителей. Не вызывает сомнения, что эта проблема касалась обеих сторон. Мы должны были представить себе, что означает жить в условиях другой культуры, сталкиваться с трудностями продвижения по служебной лестнице с позиций общественности и государственного руководства другой стороны.. Мы успешно избежали попыток напомнить обо всех неверных американских шагах и ошибочных советских позициях».

Из этой цитаты видно, какие трудности как исследовательского, так и околонучного характера пришлось преодолеть советским и американским авторам книги, так что судить ее следует не только по содержанию, но и как опыт совместной работы.

Самое главное достижение трех десятков авторов заключается, как мне представляется, в том, что они создали не просто сборник статей, а книгу, объединенную общей концепцией, общим пониманием проблем, которые стоят сегодня перед человечеством.

В наши дни в выступлениях политических деятелей, на антивоенных митингах, просто в беседах на Востоке и на Западе нет недостатка в призывах не допустить ядерную войну, не дать разгореться пожару. И гораздо меньше люди говорят и думают о том, как, собственно, такая война может начаться, что может стать причиной или поводом для нее. Авторы книги дают свой ответ на этот вопрос. Они рассматривают возможности начала войны в результате ошибки, ложных тревог, ненадежности контроля над ядерными системами, даже в результате логики взаимодействия вполне исправных и отлаженных компьютерных систем противостоящих государств и т. п. И никто фактически не говорит о том, что какая-то сторона может развязать войну для достижения политических целей, «рациональный вариант» начала войны просто не берется всерьез, с чем я полностью согласен. Такой подход авторов, по-моему, прекрасно подчеркивает абсурдность нынешней международной ситуации: во имя обеспечения безопасности от весьма сомнительной угрозы

создаются все новые виды оружия, открываются новые области гонки вооружений, но каждая новая система вооружений автоматически ведет к подрыву безопасности. Из такого положения возможен лишь один выход — признание, что обеспечение безопасности есть проблема политическая, а не военная.

К чести авторов надо заметить, что они не ограничиваются анализом только ядерной опасности; они видят в ней лишь одну, хотя и чрезвычайно серьезную, проблему наряду с другими глобальными проблемами, такими, как загрязнение окружающей среды, отсталость и т. п.

Исследователи не просто констатируют факты и существующие реальности, они ищут выхода из них, находя и в этой области общий язык. Они не предлагают технократических рецептов, видят мир во всей его сложности и противоречивости, понимая, что социальные и культурные факторы активно вмешиваются в осуществление самых логически совершенных и по видимости безупречных планов решения глобальных проблем. Особое внимание уделяется, скажем, психологическим проблемам. Авторы говорят о необходимости целенаправленных усилий по изменению воинственных умонастроений, стереотипов сознания, изживанию подозрительности в отношениях между системами.

Весьма интересны размышления по поводу взаимозависимости человечества. Книга не только призывает к терпимости, но и убеждает, что разнообразие форм социальной жизни на планете — залог нормального существования человеческой семьи, не помеха, а предпосылка сотрудничества. Они предметно доказывают, что, вопреки достаточно распространенным представлениям, сотрудничество и объединение усилий, отказ от национального эгоизма — не просто благое пожелание, а практический и результативный путь решения проблем.

Для советского читателя эти мысли достаточно привычны. В нашем обществе, как мне кажется, всегда существовало в целом позитивное отношение к возможности сотрудничества с Западом на мировой арене. А сегодня эти принципы — составная часть нового

мышления, они, так сказать, чуть ли не ежедневно на слуху у советской общественности.

На Западе ситуация несколько иная. У меня создается впечатление, что даже сегодня, когда США пошли на серьезные шаги в области разоружения, большая часть официальных кругов, прессы, ученых-обществоведов, широкой общественности все же смотрит на мир через призму соперничества, продолжает видеть в советско-американских и вообще международных отношениях игру с нулевой суммой, в которой кто-то непременно побеждает, а кто-то проигрывает.

И в этом смысле очень полезно, что идеи сотрудничества, пропагандируемые книгой, прозвучат в Америке. Кроме того, зная о достаточно распространенных в США нелепых представлениях об СССР, я предвижу потрясение по крайней мере некоторых читателей, когда они увидят, что советские политологи размышляют в спокойном тоне, выступают за развитие сотрудничества, а вовсе не призывают, брызгая слюной, поскорее извести Америку под корень и покорить мир. Небесполезно им будет, минуя посредничество средств массовой информации США, познакомиться с советскими взглядами на процесс перестройки.

Я вовсе не хочу сказать, что книга нужна только западному читателю. Для советской аудитории она не менее интересна, а кое в чем и поучительна.

Сравнивая статьи советских и западных авторов, нетрудно углядеть достаточно существенную разницу в исследовательских подходах. Статьи западных ученых конкретны, темы в них, как правило, затрагиваются достаточно узкие. Советские политологи отдают предпочтение более общим проблемам. (Естественно, и с той, и с другой стороны есть исключения.) В немалой степени такое положение связано с особенностями теоретического сознания разных культур. Американцы исповедуют прагматизм, любят повозиться с эмпирическим материалом, наши же ученые традиционно более философичны, тяготеют к широким обобщениям.

Однако дело не только в различиях методологий. Не обошлось и без влия-

ния вненаучных обстоятельств. Вот пример. В Америке, где новое мышление находится, к сожалению, на периферии идейной жизни, его адепты тем не менее изучают закономерности распространения новых идей в обществе, ищут наиболее эффективные пути их пропаганды. У нас же новое мышление — фактически официальная идеология, но советские ученые не идут дальше призывов: «Надо менять мышление, надо отказаться от образа врага». Конкретные пути распространения нового мышления остаются едва ли не самым неразвитым его аспектом. Не потому ли, что в нашей стране (как бы это помогало выразиться?) явно недостаточно поощряется изучение внутривнутриполитических факторов формирования внешней политики, что мы слишком дорожим несостоятельным теоретически и практически тезисом о том, что весь советский народ, все его социальные и профессиональные группы всегда единодушно поддерживают внешнюю политику государства?

Впрочем, я не хочу винить в некой приближительности изысканий только отсутствие дерзости у советских ученых. «Как следует из данных, представленных для общего сведения американским правительством на основании Закона о свободе информации, за период с 1977 по 1984 год произошло 1152 ложные тревоги средней степени серьезности», — пишет американка Линн Сеннот. А другой американский исследователь, Поль Брэкен, как бы добавляет: «Хотя информация о ложных тревогах в Советском Союзе не публикуется, резонно предположить, что и там имели место подобные инциденты». Эйнар Кринглен в статье «Рациональное поведение в кризисных ситуациях — миф» пишет: «Показания в конгрессе США вскрыли удивительно широкое использование наркотиков и алкоголя среди военного персонала, в ведении которого находятся радары, улавливающие сигналы ядерного нападения. Информация такого рода из Советского Союза недоступна, но общеизвестно, что алкоголизм — серьезная социальная проблема в СССР, и было бы неразумно предполагать, что она не касается советских вооруженных сил».

Мне, советскому человеку, стыдно читать такие строки. Я не могу понять, почему американцы не боятся обнародовать подобную информацию перед всем миром, а у нас она скрывается. Мне обидно, что советские ученые, выходящие со своими работами на мировой рынок идей, нашими же порядками поставлены в заведомо неравноправное положение по сравнению со своими западными коллегами. И совместные труды особенно явно обнажают этот контраст. Когда же мы наконец перестанем вредить сами себе?

В заключение мне бы хотелось сказать следующее. Мы оказались в исто-

рически беспрецедентной ситуации — разоружение уже началось. Пора начинать думать о том, каким будет безъядерный мир. Здесь без совместных исследований не обойтись. Так что сегодня любой опыт творческого сотрудничества ценен не только сам по себе, но и тем, что он приближает нас к ситуации, когда ученые Востока и Запада, Севера и Юга смогут совместно заниматься поисками истины, имея равный доступ к информации, не оглядываясь на мнение начальства и не отставляя в сторону сложные вопросы прошлого и настоящего.

ПОДПИСКА — КРУГЛЫЙ ГОД

В любой месяц, на любой срок

Вы можете подписаться на

«Век XX и мир».

Подписку принимают без ограничений

агентства «Союзпечати», почтамты

и отделения связи.

На 2-й и 3-й страницах обложки: массовая манифестация в Москве — «Цепочка мира». (Репортаж читайте на стр. 16.)

Бюллетень «Век XX и мир» № 2 (на русском языке), ежемесячный. Напечатано в СССР. Ордена Трудового Красного Знамени типография «Известий Советов народных депутатов СССР», Москва, Заказ 4496.

БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

